

Тайна
бронзовой
статуэтки

Григорий
Симанович
АПОЛЛОША

Григорий Симанович

Аполлоша

«Автор»

2012

Симанович Г.

Аполлоша / Г. Симанович — «Автор», 2012

Это детектив и фантастика, мистический триллер и трагикомедия о двух немолодых людях, пустившихся в авантюру. Игнат и Гоша, давние друзья, решили подзаработать денег на безбедную старость. И бросились, как в омут с головой, в биржевую игру. И за шаг до полного разорения случилось невероятное. Чудесное явление, в которое невозможно поверить, стало превращать их в миллионеров. Но кое-кто решил во что бы то ни стало лишить их этого чуда. А другие злые силы позарились на их сумасшедшие капиталы. Головокружительный сюжет, то страшный, то забавный приводит к финалу, где жизнь и смерть вступают в поединок, исход которого... не предрешен...

© Симанович Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Этого не может быть!	6
Глава первая. Игроки	6
Глава вторая. Трагедии	9
Глава третья. Исповедь живого мертвеца	12
Глава пятая. «Убью!»	14
Глава шестая. «Криминальные» традиции	16
Глава седьмая. Дружба всей жизни	18
Глава восьмая. Доигрались...	20
Глава девятая. Очевидное – невероятное	23
Глава десятая. Нашелся!	25
Глава одиннадцатая. Чудо	27
Глава двенадцатая. Эксперт	29
Глава тринадцатая. Соскочил...	34
Глава четырнадцатая. Золотой дождь	36
Глава пятнадцатая. Охота на инкогнито	39
Глава шестнадцатая. Тайное творчество Георгия Арнольдовича	41
Глава семнадцатая. Большой бизнес	43
Глава восемнадцатая. Любаша	45
Глава девятнадцатая. Растворился он, что ли?	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Григорий Симанович

Аполлоша. Тайна бронзовой статуэтки

*Люди, которые проводят вместе всю жизнь,
не могут даже сказать, чего они, собственно,
хотят друг от друга.*

Платон. Диалоги с Сократом

*Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Но другу трудно будет без меня.*

Шекспир, 66 сонет, перевод Б.Пастернака

Пролог

Дмитрий Владимирович Путин плавно опустил на рычажки трубку прямого президентского телефона, словно кто-то невидимый наблюдал за ним и мог счесть, что вице-премьер без должного пиетета отнесся к сеансу телефонной связи с Самим.

Ничего существенного! Очередной призыв мобилизовать усилия и несколько тезисов в доказательство того, что хорошее лучше плохого. «Господи, какой замечательный президент! Пошли ему бог здоровья и очередной срок! А мне... спокойный и вкусный обеденный перерыв. С восьми утра мудохаясь на благо родины. Я ведь заслужил, да, господи?»

Перед тем, как протянуть руку к кнопке вызова секретаря, Путин бросил прощальный взгляд на дисплей, где высвечивалась сегодняшняя корреспонденция. Свежее письмо. Спам, что ли? Как прорвался? Начал читать и не поверил своим глазам.

«Здравствуй, Дмитрий Владимирович! Пишет тебе Олег, тот самый молодой человек, которого ты задавил и бросил умирать 20 июня 2002 года на Яузской набережной. Ты решил, что все шито-крыто. Нет, скотина, мразь поганая! Тебе отомстят за меня, за мою маму, не пережившую моей смерти, – до тебя доберутся. Тебя убьют обязательно. Ты заказан. За тебя проплачены огромные деньги. Никакая охрана не поможет. Потерял стыд и совесть, потеряешь жизнь. Ты труп.»

Это был шок. Понадобилось усилие воли, чтобы «отодрать» взгляд от дисплея.

«Как же так? Никто ведь не видел. Столько лет прошло!.. Неужели он? Зачем? За что? Я же помогал, чем мог, помогал... Он же слово дал...гад. Предал, сволочь!.. Достану!.. Спокойно, Дима! Возьми себя в руки. Надо все продумать. Не торопись. Большая опасность, конец карьеры. Начну дергаться – выйдет боком. На это и расчет. Если он даст письменные показания... или уже дал? Отправитель наверняка не определяется. Понятно, кто это... Конечно, отец, только он... Что же делать?»

Путин получил это письмо 25 марта 2014 года.

Часть первая. Этого не может быть!

Глава первая. Игроки

– Продавай!
– Да погоди ты! Сейчас поднимется!
– Продавай, Игнат, я тебя умоляю!
– Заткнись, не трепи нервы. Сам знаю...
– Опять завалимся. Интуиция подсказывает, Игнат, надо продавать, пока не поздно.
– А я говорю – заткнись. Мы на твоей интуиции уже просрали кучу бабок.
– На мое-е-ей? Ах ты, гад! Да как у тебя язык поворачивается!
– Поднимется – хоть что-то заработаем. Мы и так в жопе. Глубже не будет. Терпи, Гоша, вот уже растет.

– Это у меня давление растет, а котировка прыгает. Ты же сам видишь. Продавай, или я умру.

– Терпение, Гоша, только терпение. Подождем часок и...

Но случилось раньше. Сразу, в одну секунду. Мелькавшие цифры замерли. Зеленые и красные полоски, сигнализирующие о купле-продаже, застыли. Связь компьютера с биржевой площадкой внезапно прервалась.

Игнат стал беспорядочно щелкать мышкой, гоняя курсор по экрану. Гоша застыл как изваяние, сделался белый и заткнулся, что, увы, уже не приносило Игнату облегчения. Он был близок к обмороку.

Там, на бирже, что-то происходило с акциями, в том числе и компании «Сатурн», а что – они не видели. Акции летели в неизвестном направлении. Возможно – в пропасть.

Еще несколько минут оба глядели на экран в тупой надежде, что кто-то главный скамандует и связь вернется.

– Все, звони, срочно, давай! – зловещим шепотом выдохнул Гоша.

Игнат схватил телефонную трубку и набрал номер биржевых трейдеров, тех специальных сотрудников, которые осуществляют сделки по команде с телефона. Частые гудки...

– Что?

– Все операторы заняты!

– Жди! – взвыл Гоша, бешено вращая глазами, словно само ожидание могло что-то ускорить.

Две минуты, три... Наконец ответили. Игнат протараторил свой пароль, номер счета, фамилию и почти истерически крикнул:

– Почему «Сатурн»?

Пауза.

– Сколько-сколько? Как это восемнадцать? Ведь только что...

В трубке послышались гудки – отбой.

– Как восемнадцать?! Не может быть! Я же говорил «продавай», – заорал Гоша и хрястнул маленьким своим кулачком по компьютерному столу так, что клавиатура и мышка чуть не слетели на пол. Игнат обхватил голову руками и стал резко мотать ею из стороны в сторону, словно пытаясь вытряхнуть из нее что-то лишнее и докучливое.

Это была катастрофа.

Тут следует кратко просветить ту преобладающую часть читателей, которые понятия не имеют о биржевой игре. Ввести, как говорится, в курс дела.

Вот, к примеру, Игнат и Гоша. Год назад, в июне 2006-го, подхватили эту лихорадку, внеся деньги в кассу брокерской конторы «Удача – Сервис». **Инициировал исподволь Гоша с намерением увлечь депрессивного, сломленного обстоятельствами друга хоть чем-нибудь (об обстоятельствах этих – ниже). Сам он тоже взлелеял мечту заработать на проект всей его жизни, когда настанет пора его осуществлять.**

Игнат неожиданно быстро согласился.

Им открыли персональные счета и объяснили, что механизм прост: в домашний компьютер заводишь специальную программу и постепенно становишься богат. Билла Гейтса, Сороса и даже Рому Абрамовича не догонишь, но безбедная старость обеспечена. Надо только с умом покупать правильные акции и вовремя от них избавляться одним кликом компьютерной мышки.

Этим они и занялись на пару с переменным успехом, часами просиживая рядышком у компьютера до полубоморока, теряя остатки зрения и нервных клеток, гоняя туда-сюда две-три сотни тысяч рублей.

Неоднократно подходя к грани разрыва после многолетней дружбы и даже взяв пару раз друг друга за грудки, они увенчали инвестиционный год ослепительным проигрышем половины вложенных средств.

И вот два месяца назад, в июне 2007 эти двое купили на весь денежный жмых акции производственного объединения «Сатурн», делающего всяческую мясную жратву. Бывший гобой в Игнатовом оркестре, непостижимым образом оказавшийся близким к руководству «Сатурна», встретился ему погожим воскресным деньком в сквере на Чистых прудах, пообщался и, узнав об увлечении бывшего дирижера, ныне пенсионера, в знак благодарности выдал шепотом секретную информацию (такая называется инсайдерской): эти акции вот-вот бешено взлетят в цене и прибыль может быть до ста процентов. Игнат примчался к Гоше, другу детства, всю жизнь обитающему этажом выше, и поздравил с грядущим обогащением.

Два стареющих дегенерата на последние деньги, еще не пропущенные через мясорубку биржи, нахватили «Сатурна».

Поначалу акции и впрямь устремились вверх, как ртутный столбик термометра из-под мышки человека в горячечном бреде. Нет бы зафиксировать прибыль! Пожадничали. И акции тихо-тихо скатились на дно, словно бирже вкололи дозу жаропонижающего.

Гоша и Игнат продолжали верить в скорое финансовое процветание, воодушевляемые благодарным Игнатовым учеником, – тот заговорщицким шепотом божился по мобильному, что сам купил на все деньги и голову дает на отсечение – рванут. Этот бывший гобой Альберт пылко советовал докупить еще: «Свое вернете, и с прибылью. Не сомневайтесь!»

Игнат стыдливо признался: денег нет. Благородный Альбертик пояснил жалкому дилетанту, что он может легко взять в долг у самой биржи под маленький процент еще почти столько же, сколько стоят их акции. Это называется «играть с плечом». Гоша проверил: такая возможность предусматривалась в договоре.

Гоша трусил, предостерегал, ныл. Он не имел обыкновения по жизни вообще брать у кого-либо в долг. Он даже во времена полунищенского студенчества старался не стрелять пять копеек на пирожок, а лучше перетерпеть. Такая вот за ним наблюдалась странность.

Не то Игнат! У него комплексов на сей счет никогда не было. Он рвался в бой и убедил. Они одолжили у биржи двести тысяч, докупили на них «Сатурна» и...

Полуеврейское счастье Гоши, возведенное в квадрат русско – хохляцкого разудалого «авось» Игната, сокрушительно обрушилось на их запудренные мозги. За несколько дней акции «Сатурна» камнем рухнули вниз. Их стоимость перестала покрывать сумму долга. Или они докладывают деньги на счет, или биржа автоматически отщипывает из их пакета. Чем он дешевле, тем больше отщипывает.

Все шло к разорению.

Мы застали наших будущих Соросов в момент, когда акции «Сатурна» вдруг дернулись вверх и забрезжила было надежда спасти хотя бы треть капитала. Но Игнат Гошу не послушал. А за десять минут сбоя связи случилось ужасное: спекулянты стремительно обрушили акции фабрики до плинтуса, до двадцати рублей за штуку. А покупались они первоначально по сто двадцать. Брокерская контора автоматически откусила у несчастных акционеров еще один здоровенный кусман, оставив им жалкий огрызок стоимостью пятьдесят тысяч рублей. От двухсот пятидесяти.

Добрый советчик Альберт на телефонные звонки не отвечал. То ли прятался от кредиторов, то ли спивался на деньги от проданного гобоя – черт его знает!

Глава вторая. Трагедии

Игнатий Васильевич Оболонский, главный герой нашего повествования, посвятил жизнь Советской, а потом Российской армии. Он обеспечивал обороноспособность, так сказать, на духовно-патриотическом фронте.

Начав рядовым участником гарнизонного хора мотострелковой дивизии под Курском, он со своим природно сильным, густым баритоном вломился в большое армейское искусство. Сперва военно-музыкальное училище, сольные партии в сопровождении лучших хоровых коллективов на уровне округа, потом и военно-дирижерский факультет Гнесинки в Москве. Карьера взгромоздила Игнатия Васильевича на возвышение у дирижерского пульта известного военного ансамбля, что позволило поехать по стране и миру, вкусно кормить и поить семью (нет, поить все же в основном себя!), не отказывать себе в житейских радостях, включая тайные мужские утехи на стороне, а также ритуальное пьянство с коллегами по творческому цеху.

И все бы ничего, но в июле 2000 случилось страшное. Самое страшное, что могло произойти. Страшнее собственной смерти.

Погиб сын. Единственный. Олежка, Олеженька, его гордость и надежда.

Природа не только отдыхать на ребенке не стала – расщедрилась. Мальчик не просто унаследовал музыкальность отца, но получил в дар тонкое понимание мелодики, владение тайнописью удивительных гармонических рядов. Мальчик с блеском закончил Гнесинку и в двадцать шесть написал симфонию, о которой два музыкальных корифея отозвались весьма благосклонно.

Олег подрабатывал на радио, несколько песен на его музыку стали кормить, он гордо снял скромную однушку в Бибирево и жил там с девочкой Сашенькой по первой серьезной любви.

20 июня 2000 года мальчик просто возвращался домой от приятеля, писавшего тексты песен. Было около часа ночи. Яузская набережная. Какая-то мразь ударила его на огромной, видимо, скорости, отбросила на узкий тротуар к парапету и помчалась дальше. Ни одного свидетеля. Редкие водители мимолетных авто принимали за пьяного, если замечали (Олежка вообще не пил, на отца насмотревшись). Случайный путник ночной полюбопытствовал. Понял все, позвонил в скорую. Врач сказал: жил минимум час. Если бы кто остановился, отвез в больницу – наверняка спасли бы. Шанс был немалый.

Они с Верой вынужденно кремировали мальчика, чтобы подхоронить урну на Востряковском кладбище, на участке, где в тесноте, но не в беспамятной заброшенности лежали три поколения Оболонских.

В крематории все плакали. Только Вера Матвеевна остекленела, молча, полубезумными глазами уставившись на мертвого сына. Ее шепотом призывали поплакать, но тщетно. Слезы словно растворились в ней, пропитав изнутри смертоносными токсинами нечеловеческой тоски. Этот яд по всей вероятности и убил ее через год, запустив губительное деление плохих клеток. Игнат похоронил жену рядом с сыном и стал вдовцом.

Обе ошеломляющие потери пережиты были в долгих, яростных запоях, из которых выводил себя Игнатий Васильевич страшным волевым усилием, но не без помощи Гоши.

Все же именно водка и прервала возобновившуюся было творческую биографию и служебную карьеру подвижника армейской музыкальной культуры.

В 2004-м весной военный дирижер полковник Оболонский, руководя дневным выступлением на смотре военных оркестров в городе Вена (Австрия), не обеспечил слаженной игры

коллектива по причине глубокого похмелья после вчерашнего. Финальная кода исполнявшегося марша из оперы «Аида» ознаменовалась падением на дирижерский пюпитр и, в обнимку с ним, на первую скрипку майора Подрыгаило, получившего травму головы и копчика.

Международный скандал удалось замять, запустив информацию о гипертоническом кризе. Начальство жалело Игната, но отставка случилась. Она спровоцировала совсем уж беспробудное многомесячное пьянство и суровую депрессию, из которой его сумел вывести тот же Гоша, сосед, ровесник и верный друг всей жизни.

Они родились в один год в Москве, пятьдесят восемь лет прожили в одном подъезде в большом старом доме на Сретенском бульваре, ходили в одну 275-ю школу в один класс и только профессии выбрали разные: Гоша окончил ВГИК и стал сценаристом документального и так называемого научно-популярного кино.

За четверть века беспорочной деятельности на ниве кинопросвещения по Гошиным сценариям, увы, не создано было ни одного произведения, вошедшего в золотой фильмофонд. Он не более чем умело, профессионально, ремесленно крепко писал для студии о новых сортах картофеля на Рязанщине, о водолазах– спасателях, о синхрофазотроне в закрытом городе, о родах под водой, о видных исторических фигурах – обо всем, что заказывали, а иногда и по творческому побуждению. Он неплохо зарабатывал, пользовался расположением коллег, будучи добродушным и неамбициозным.

Но пришли иные времена, лавочку научпопа на студии прикрыли, документалку ему не заказывали. Гоша ткнулся на телевидение и понял, что там не лишний. Купили один сценарий, другой. Пошло потихоньку, платили скромно, но достойно. Утешался мыслью о накоплениях – сумел немного подсобрать. Но не только и не столько о них.

Была в его жизни иная утеха, страсть, цель, мечта, амбиция истинно творческая, заветная, сумасшедшая на взгляд постороннего. Не знал о ней никто решительно, даже Игнат. Гоша хранил ее в тайне вот уже... двадцать пять лет. И мы пока прибережем секрет для читателя, хотя и предупредим честно: ничего криминально-кровавого или патологически экстравагантного в потаенном занятии Гоши сокрыто не было. Тайна эта являлась духовной, в высоком смысле интимной.

Несколько слов требуют обстоятельства семейной жизни Георгия Арнольдовича. Именно нескольких, потому что более пространного рассказа она не предполагает. В силу отсутствия таковой в традиционном смысле. «Семейная жизнь» после смерти родителей просто прекратилась. **Да, у него была своя трагедия.**

Они ушли в мир иной внезапно, когда Гоше исполнилось тридцать, и по его сценариям уже снимали первые ленты. Отец был ученым, одним из лучших специалистов в области геологоразведки. Полетел на «первую нефть» в западносибирский городок Манчуйск, в бескрайних болотистых окрестностях которого блестяще предсказал фантастические месторождения. Вертолет (с ним захотела лететь и мама, они старались всегда быть вместе) подбросил их с группой рабочих к одному из первых тогда вахтовых поселков. На обратном пути рухнул в болото, ушел в беспощадную топь, в неведомой точке, на неведомую глубину, бесследно и безнадежно, в десятках непроходимых километров от городка. Так что бедному Гоше не судьба была на могилку родителей приходить, как положено. Настоять, чтоб сыскали тот вертолет, не смог. Только фотографии время от времени разглядывал в старых альбомах и плакал первый год. Потом уж просто сердце щемило, когда вспоминал, а ближе к старости – чего уж там...

Побывать женатым Гоше как-то не случилось, при том что осталась ему просторная, по тем временам очень добротная, двухкомнатная квартира с высоченными потолками и толстыми стенами, какие и теперь не всегда возводят даже для сильных мира сего. Разумеется, Гоша ее вовремя приватизировал.

Обзавестись внебрачным потомством он тоже не сподобился, никогда и в мыслях не держал, предохранялся. В отличие от женщин, с которыми шел на сближение, к детям он относился со спокойной симпатией, признавая их законное место в мироустройстве, но не у него дома. Женщин до некоторых пор любил частенько, можно сказать – регулярно, но именно в физическом смысле. В духовном случилось лишь дважды, в юности, когда мама и папа были еще живы. Но и это прошло.

Глава третья. Исповедь живого мертвеца

В полдень 14 ноября 2004 года военного пенсионера Игнатия Васильевича Оболонского разбудил телефонный звонок. Накануне после правильного, трезво проведенного дня он таки принял триста граммов, но в надежной компании Гоши – тот изредка соглашался на застолье при жестком условии: по чуть-чуть и без былой недельной опохмелки. Чудодейственные наркологические и гипнотические способности мало пьющего друга плюс благотворные остатки силы воли позволяли держать слово.

Засиделись, голова была мутноватой.

Незнакомый, слабый старческий голос произнес его фамилию, только фамилию.

– Слушаю.

– Меня зовут Петр Петрович Дугин. У меня для вас важная информация. Очень важная для вас. Касается вашего сына покойного. Приезжайте прямо сейчас. Но обещайте заранее: никому ни слова и никакой записывающей аппаратуры. Клянитесь памятью сына.

– Клянусь! – Игнат протрезвел мгновенно. Записал адрес.

Возбужденный до крайности, он ехал на метро к «Преображенской». Неужели кто-то знает, что-то знает про гибель Олежки? Наконец-то! Четыре года полного неведения, абсолютного отсутствия каких-либо зацепок в уголовном деле, в результате закрытом за невозможностью установления виновного. Пьяные, дурманные, обморочные годы... А пробуждаясь к жизни, к работе, пытаюсь хоть какое-то время не вспоминать о самых родных ему людях, Оболонский то и дело заставлял свое воображение в пустынном месте, где он один на один с неким черноволосым прыщавым отморозком. И вот его наглый взгляд и циничная усмешка гаснут и расплываются в кровавом сгустке, когда Игнат кроит ему череп топориком для разделки мяса.

Почему рисовался ему в упоительных грезах мести именно такой образ лихача-убийцы, он не знал. Тот мог быть юным блондином, стариком, женщиной, пьяным качком – бандитом, кем угодно...

Дверь открыл тощий узколицый старик в пижаме и стоптанных тапочках, на вид лет семидесяти пяти. Не сказал – хрипло прошептал «Разувайтесь, проходите!». Шаркая, с трудом переставляя ноги, провел в спальню, вполне себе неплохо устроенную, просторную. Задвинутые, плотного плетения занавески бдительно рассеивали внезапное московское зимнее солнце.

Указал на кресло, сам, напряженно опираясь на подлокотник такого же, опустился напротив.

– Имя – отчество ваше?

– Игнатий Васильевич.

Старик трудно ворочал языком, даже эти сдавленные дрожавшие звуки давались его горлу с натугой... Оболонский понял, что тот сильно болен. Угадал.

– Говорить долго не могу, отдохнуть буду. Рак все съел. Даже голос, и тот... Недельки две осталось. Я подслушал врача и жену, знаю... Думаешь, мне сколько? Пятидесяти пяти нет. Вон как он меня в кощера – то превратил. Только не бессмертного, к сожалению. Ладно, слушай... Сына твоего Путин убил, Владимир Дмитриевич. Когда еще вице-губернатором был Ушунского края. Теперь-то он сам знаешь кто... В Москву вызвали, в Кремль. Дали понять, что к себе возьмут. Я с ним приехал. Водитель я его был тринадцать лет, еще с райкома. С собой меня таскал. Никому

не доверял себя возить. На машине представительства поехали в кабак с его московскими друзьями. Напился он от радости. Назад когда в ночь возвращались, кураж его одолел. Согнал меня с руля на пассажирское, сам за баранку. И попер куда глаза глядели. А куда они глядели-то? Залиты были. Я умолял, увещевал, без толку. Хохотал как сумасшедший и жал. На набережной пусто было, человека шибанул бампером, сам все понял и без остановки по газам. Погоди, отдышись...

Дугин потянулся к стакану с водой на прикроватной тумбочке, глотнул словно непрожеванного мяса кусок, опустил голову и хрипло, часто и жадно задышал как после долгого быстрого бега. Продолжил:

– Когда подальше отъехали, повияляли по центру-то, остановились, он уже почти трезвый был. Пообещал за молчание квартиру в Москве, денег в долларах, защиту, если что, ну и так далее. Я сказал, что мне ничего не надо, молчать буду, но если дознаются, смертоубийство на себя не возьму. На том и сошлись. Кровь с бампера я в подворотне смыл, видно лицо или голову задело, когда падал он. Сам-то бампер как новенький, усиленный был на «мерседесе». На следующий день в городских новостях сказали, в «Московском комсомольце» заметка. Ну, я и узнал, кого Путин убил. Он тоже узнал. А потом мы улетели в Ушуйск. И все шито-крыто. А потом известно: в Москву забрали, в администрацию. Он меня с собой. Обещания свои выполнил. Мы с женой бездетные и теща получили двушку эту. И денег он мне дал, двадцать тысяч зеленых. Но год назад, когда совсем высоко взлетел, обязали с другим водителем ездить, из ФСО, и охрану оттуда же дали. Меня хорошо пристроил в гараж Минфина, да только – вот...

Дугин вдруг зашелся кашлем, иссохшее тело его, казалось, вот-вот рассыплется, как потревоженные древние мощи. Игнат подал стакан, но понял, что тот не удержит, сам поднес к трясущимся губам. Дугин изловчился сделать глоток, и еще минут пять кашлял, жадно вбирая в остатки легких спертый, перегретый воздух спальни.

– Он не знает про болезнь. Не звонит, забыл. Не до меня. И я не звоню. А как про две недели услышал, решил найти тебя и рассказать. Знаешь, почему? Мне страшно стало умирать с этим, понял? Я никогда в бога не верил. А тут подумал, а вдруг он есть. Вдруг и ад есть. Мне с таким грехом как раз туда. А я ведь честно жил, работал, людей не обижал. Надо, подумал, этот грех с души снять. Хотя и другой на душу беру взамен: слово дал, благодарность принял. Но тот страшнее намного, я так рассудил. Он у мальчишки жизнь отнял, а я сообщник. А еще знаешь, почему тебе рассказал? Потому что сделать ты все равно ничего не сможешь. И, надеюсь, не станешь. Недоказуемо, единственный свидетель помер. И кто он, и кто ты? Небось, в отставке уже, клубнику поливаешь. Мой тебе совет: и не вздумай даже искать справедливость или там к совести его призывать. Тем более скандал поднимать. Он крутой, могучий. Раздавит в лепеху. Так что живи, Игнатий Васильевич, сколько отпущено и просто знай, когда до смерти своей ты должен ненавидеть и проклинать. А меня прости, если можешь...

Глава пятая. «Убью!»

Едва доехав до дому, потрясенный Игнат полез в Интернет – компьютером он одарил себя еще во время службы, после очередных гастролей. До позднего вечера, пока на слиплись веки, он читал все, что было про этого Пущина. Он подолгу смотрел на фотографии чиновника и плакал от бессилия, и кипела в нем такая злоба, такие порывы к отмщению вспарывали его душу, что будь Интернет способен пересылать эмоции, убийца Игнатова сына просто сторел бы заживо, спаленный бешеной плазмой ненависти.

Утром он проснулся с готовым решением: «Убью! Сам не сумею. Надо звать киллера».

Но для начала Игнат зазвал друга. Он так и не заснул накануне, однако заставил себя не пить ни снотворного, ни водки. Все утро в одиночестве и тишине он просидел в кресле, уставясь на экран дисплея, с которого благородно седой не по годам, сероглазый человек в темном костюме и ярко-полосатом галстуке, с бокалом в руке, отвечал на Игнатов то мутно-ненавидящий, то вопрошающий, то растерянный, то опустошенно-отчаянный взгляд – своим, струящим благополучие и веселье.

– Ты чего с похоронным видом уселся? Это кто на экране, Пущин, что ли? Нашел, кем любоваться.

– Гошик, это убийца Олежки. И Веры моей.

Гошик услышал трезвый басок Игната, приглушенный, точно из преисподней донесшийся.

Потом он услышал рассказ.

Потом они сидели молча минут так десять, причем Георгий Арнольдович столь же неотрывно вглядывался в лицо Пущина, словно пытаясь вычитать в нем ответ на вопрос, что же дальше будет. Но ответил Игнат.

– Я его прикончу. Не сам, кишка тонка. Найму человека за любые деньги.

Гоша встал с кресла, подошел и приобнял полковника за плечи.

– Игнатушка, милый, надо взять себя в руки. Ты не прикончишь его, даже если поставишь на кон всю свою оставшуюся жизнь, продашь квартиру, мебель, себя в рабство. Этот Дугин прав абсолютно: тебе до него не дотянуться. Утопия. Люди его положения неуязвимы и для опытных ликвидаторов. Да на это никакой профессионал и не пойдет: риск несоразмерен даже огромному гонорару.

– Сколько?

– Ты меня спрашиваешь, словно хочешь нанять. Успокойся. Я про это знаю не больше твоего. И тоже по книжкам и фильмам. Полагаю, речь может идти о миллионах долларов. И потом: ты уверен, что тебе легче бы стало. Их не вернешь, Игнатуля... И разоблачить его невозможно. Он один из вожаков дикого стада охамевших победителей своего собственного народа. Эти ребята, распухшие от денег и власти, – они подмяли под себя главное в государстве: правосудие, потому неуязвимы. Ну, придашь ты гласности. Тебя просто засудят, сдерут за моральный ущерб и еще в психушку отправят. Тебе это надо?

– Мне надо его убить. Остальное не имеет значения. Ты меня знаешь, я мирный. Но эта сука, этот упырь кабинетный погубил Олежку и Веруню. Он отнял смысл дальше жить, душу мою сжег вместе с ними в печке. У меня никого нет – вот, кроме тебя, Гошик. Любаня не в счет. Она хорошая... потрахаться, поговорить, но ни ты, ни она заменить их не могут, хоть я тебя люблю как родного.

Игнат заплакал по-детски как-то, навзрыд, горько-горько, утирая то и дело слезы и сопли рукавом халата. Гоша поднял глаза на экран компьютера, и ему на секунду показалось, что улыбка этого Пуцина стала какой-то иной, язвительно-проничной, презрительной. В этот момент Георгий Арнольдович до сердечной дрожи, до спазма в горле почувствовал то же, что и несчастный его друг.

Глава шестая. «Криминальные» традиции

Тут самое время поведать о предках Игнатия Оболонского! Один из них сыграл ключевую роль в истории, о которой вы узнаете.

Слышите, как звучит фамилия? «Оболонский». Неспроста! Род Игнатия знатный, корнями уходит в земли украинские, а крону нарастил уже на исконно русской почве. Правда, крону-то пообрезали в лихие годы борьбы сперва с буржуями, а потом с японо – турецкими шпионами и врагами народа. Но кое-какие фото остались, обрывки воспоминаний о дедушке и прадедушке, коим предавался порой отец, сохранились в памяти Игната.

Дед Яков Тарасович в восьмидесятые годы позапрошлого века перевезен был родителями в Москву, служил после университета по адвокатской части, понял перспективы революции лично для себя и своей семьи, но уехать не захотел и принял ее, как принимают неизбежную ампутацию важного органа, иначе не выжить. Таковым органом счел он (в переносном смысле) язык, с помощью которого защищал людей в суде. Он переквалифицировался в нотариусы и тихо корпел над бумажками, шлепал печати. А вот при своем близком друге (имя его отец никогда не называл) как-то в тесном застолье в тридцать седьмом дед позабыл про то, что «безъязыкий», высказался, помянув «кремлевского горца» недобрым словом. Через неделю его увезли из дома ночью.

Бабушка так и не узнала, что с ним стало. Отец всегда поражался уникальностью этой репрессии даже на фоне тотальных арестов тех лет: ни обыска, ни конфискации, ни обвинительного заключения, ни статьи, ни места, где держали, ни суда, ни приговора, ни могилы – ничего. Такого не допускали даже тогда. Сколь бы не было абсурдно соблюдать некие формальности в условиях повальных жестоких беззаконий, они как правило соблюдались.

Бабушка в отчаянии осаждала кабинет и приемные два месяца, пока в очереди к какому-то чину Наркомата юстиции не умерла от разрыва сердца в одночасье. В хрущевскую оттепель отец добивался архивных документов, но таковых вообще не нашлось. И тогда он поставил скромную гранитную плиту рядом с могилами Оболонских на Востряковском.

А вот о прадеде знал Игнат достоверно только то, что был в Санкт-Петербурге известным ученым – археологом и историком древнего мира, писал труды, в зрелые годы ездил в экспедиции, а на старости лет с семьей в Москву переехал и тотчас почил в бозе.

Единственным материальным подтверждением странствий и изысканий прадеда осталась статуэтка бронзовая, каким-то чудесным образом пережившая переезды, голодные годы, конфискации и репрессии. Считалась семейной реликвией. По утверждению Игнатова отца, давно покойного Василия Яковлевича Оболонского, полый внутри бронзовый Аполлон (так он его называл) ростом сорок пять сантиметров на небольшом литом бронзовом же бруске – пьедестале был вывезен прадедом Тарасом Афанасьевичем то ли из Греции, то ли из Италии втайне, контрабандно, так сказать. Сей противоправный акт, по семейному преданию, уязвлял нравственное и религиозное чувство ученого до самой смерти. Но, каюсь в грехе, Аполлона все же не сдал. Может, не успел.

Почему бес попутал русского интеллигента именно эту находку стибрить, – то ни Игнату, ни отцу его было неведомо. Конечно, ценность она представляла немалую, в чем убедился Василий Яковлевич в голодной Москве середины 50-х в скупке у старого еврея-антиквара. Понес не продать – боже упаси! – а прицениться для интереса. Как в том анекдоте: «Как вы думаете, сколько стоит этот пароход?» – «Зачем тебе?» – «Так, на всякий случай!»

Еврей долго вертел в руках, изучал под лупой, цокал языком, что-то бормотал на идиш, а потом шепотом доверительно посоветовал отцу Игната унести и никому больше не показывать, лучше – спрятать подальше. А еще безопаснее сдать в музей, так сказать, в художественные закрома родины. Объяснил, что фигура эта, если, конечно, не является искусной подделкой, отлита, может быть, еще в античные времена, представляет собой серьезную музейную ценность и покупать ее опасно, как и продавать, – посадят. На докучливый вопрос отца, сколько же она все-таки потянет в деньгах, еврей – антиквар назвал сумму по тем временам очень большую, соблазнительную. Но отец гордо ушел, спрятал Аполлона глубоко на антресоль, обернув слоями газеты и запеленав в старую гимнастерку. Игнату, достигшему совершеннолетия, статуэтку показал и велел со всею строгостью: «Храни как реликвию семьи, никому не показывай, продай, только если с голоду, не дай бог, помирать будешь!»

Игнат наткнулся на бронзовое изваяние после смерти папы, разбирая глубокую, захлавленную антресоль. **Олежке показал. Но тот еще маленький был – и не вспоминал больше.** Зато Игнат вспомнил про отеческий наказ. И счел за благо оставить раритет на прежнем месте до поры до времени – там видно будет. В тот период он не нуждался.

И вот теперь к «криминальному» происхождению и хранению украденной скульптурки могло присовокупиться убийство при отягчающих обстоятельствах, что в совокупности бросает совсем уж мрачную тень на фамильную историю Оболонских.

Глава седьмая. Дружба всей жизни

Прежде чем интрига нашего повествования обострится и закружится калейдоскоп почти невероятных событий – еще несколько слов об этих столь непохожих внешне, но бесконечно близких друг другу немолодых людях.

На чем, прежде всего, строилась такая многолетняя, исключительно верная дружба Игната и Гоши? А черт его знает на чем! Разные характеры, темпераменты, уровни интеллекта... Просим не путать с любовью, чтобы не возникало тривиальных мыслей о нетрадиционных отношениях.

Игнат был широк в соответствии с тем обобщенным образом русского человека, который имел в виду еще Достоевский, сетуя: «...надо бы сузить». Здоровяк, пьяница, матерщинник, хоть и не глуп отнюдь, но эрудиции вполне умеренной, больше музыкальной. Широтой познаний и высотой устремлений фамильной славы не преумножил, но уважение к этим качествам в других испытывал искреннее, и уважение это завистью замутнено не было.

Он, с ранней юности ведомый вкусом и пристрастием друга-соседа, полюбил читать книжки про космические путешествия и научные открытия, а потом, опять же следуя рекомендациям Гошки, проникся интересом к истории. Причем к той «потаенной» новейшей истории отечества, многие страницы и эпизоды которой приводили его в замешательство и понуждали с опаской вспоминать о погонах и принадлежности к Министерству Обороны СССР.

Книжками такими развратил его Гоша, таскавший машинописные копии и потрепанные фолианты из своего продвинутого ВГИКа. С тех пор и по сей день, будучи трезвым, читал Игнат регулярно, увлеченно, но бессистемно, мало что запоминая.

Гоша был Игнату до подбородка, по-русски голубоглаз, по-еврейски черняв и пытлив, а легкая курносость могла проистекать из обоих генетических источников. Двойственность натуры, как следствие обыкновенно благотворного сочетания кровей, в молодости проявлялась в череде поступков залихватских и безрассудных, Игнату подстать. Но скоро пришла пора старательного самосовершенствования, разумной умеренности и опасливой замкнутости.

Итак, из очевидного: соседство, привычка к общению, к чуть ли не ежедневным созвонам или хождению в гости этажом выше (ниже), общие поначалу девчонки, компании, книги и Гошино просветительство, а также довольно раннее сиротство обоих сблизили их так плотно и надежно, что к зрелым годам они уже испытывали потребность в общении на уровне инстинкта. А после гибели Игнатового сына и жены стали они и **равно одиноки**, довольствуясь в основном времяпрепровождением наедине.

Ах да, чуть не забыли еще один важнейший фактор взаимного притяжения, парадоксально работавший на нерасторжимый и прекрасный дружеский союз Игната Оболонского и Георгия Колесова: шахматы.

Всю жизнь, еще со старших школьных лет, чуть выпадала возможность, они вступали в бой на доске. Если вообразить их поединки в виде одного, некогда объявленного турнира, то более продолжительного матча история шахмат не знала.

Прерываясь на Гошины отлучки, на Игнатову армейскую призывную трехлетку, командировки-гастроли, семейные поездки в отпуск, болезни, Игнатовы запои и просто хандру, соперники вновь и вновь сходились в непримиримом и азартном противостоянии.

Парадоксальность, если не абсурдность, турнира длиной в целую жизнь состояла вот в чем: многие тысячи сыгранных партий затевались с predetermined результатом. Игнат наверняка знал, что проиграет, но каждый раз надеялся на чудо. Гоша ни секунды не сомневался, что выиграет – именно так и происходило. Но! История этой великой борьбы ознаменовалась некоторым, статистически ничтожным, количеством ничьих и побед Игната. Они были обусловлены либо глупейшим зевком ввиду чрезвычайной усталости Гоши, либо его благород-

ством по отношению к другу, либо опасением, что однажды Игнат трагически утратит моральный стимул и Гоша лишится партнера.

К вышесказанному следует добавить еще одну деталь, просто поразительную: прекрасно зная о существовании шахматной теории и классических дебютов, Игнат и Гоша, так уж повелось, играли по правилам, и не более того. Конь ходит буквой «Г», слон по диагонали и т. д. Никогда никаких шахматных учебников не читали, никаких композиций не изучали, в принципе этим видом спорта не интересовались, а двигали фигуры все сорок без малого лет по наитию, по интуиции, по логике текущего момента.

Это были дикие, стихийные шахматы убежденных дилетантов. Результат предопределялся лишь тем, что Гоша был расчетливее, внимательнее и логичнее, с чем Игнат окончательно смириться так и не смог. **А в последнее время он ловил себя на мысли, что его упрямство**

в биржевой аванюре диктовалось, помимо известной нам иллюзорной цели, еще и пылким, но скрытым желанием доказать свою состоятельность в этой игре. Он тцился отомстить хотя бы Гоше за бесчисленные ловушки, внезапные «вилки» и унижительные маты, коими заканчивались для него шахматные баталии. Он жаждал маленькой бескровной вендетты, все отчетливей понимая, что та, Большая, настоящая, не суждена.

Глава восьмая. Доигрались...

Но вернемся ко дню сегодняшнему, пасмурному.

После одного телевизионного сериала стало популярным присловье из одесского фольклора: «картина маслом». Так вот вам картина маслом... Два пожилых человека сидят не шелохнувшись, с отрешенным видом у мельтешащего экрана дисплея, молча и тупо вперившись в него. Время от времени они бросают взгляды друг на друга, и каждый без труда прочитывает во взоре партнера гамму эмоций с преобладающими нотами презрения. Игнату как музыканту читать проще, но и Гоша не напрягается.

После десятиминутного сеанса, исполненного «нежной любви и человеческой благодарности друг другу», Игнат Оболонский первым прервал молчание.

– Надо было продавать еще тогда...

– Надо набить морду этому гобоисту и тебе заодно – ты меня втянул. Это все твое русское «авось».

– Я-а-а-а?! – протяжно взвыл Игнат. – Ах ты, еврейская падла! – И с этими словами он бросился на Гошу в порыве ксенофобии, полностью игнорируя благородную славянскую генеалогию Марианны Викентьевны, покойной Гошиной мамы, которая Игнатку любила почти как сына и пользовалась взаимностью.

Заклятые друзья вцепились друг в друга и рухнули со стульев, причем Игнат, по непреложным законам физики, придавил хилого Гошу, перекрыв ему дыхание брюхом, как подушкой. Гоша трепыхался и колотил что есть мочи ногами по икрам агрессора с минимальным эффектом. Наконец Игнат понял, что этому наглецу и сквалыге срочно нужен кислород, привстал, опершись на локти и, легонько врезав Гоше по сусалам (вроде бы первый раз за годы дружбы), прервал экзекуцию.

Через паузу, когда Гоша лежал в онемении, а Игнат, тяжело дыша, приходил в себя в любимом кресле, оба вдруг осознали произошедшее и увидели себя со стороны, словно некий режиссер продемонстрировал им только что запечатленный дубль.

Отчаянная обида Гоши и слепой гнев Игната синхронно сменились на взаимное чувство стыда, и оно в свою очередь быстро улетучилось, дав волю сперва неловкости, а потом уж и гомерическому хохоту с нотками истерики. Военный музыкант в отставке, булькая и хрюкая от смеха, поднял друга, поверженного, побитого, но не лишившегося своего ценного дара – самоиронии. Игнат обнял Гошу со всею неловкой нежностью добродушного верзилы.

Они съели приготовленную полковником на скорую руку обширную яичницу с затерявшимся в холодильнике шматом вареной колбасы, облагородив пир примирения бутылкой водки. Гоша в кои веки пил на равных. Игнат был весел, шутил во всю мощь своего казарменного, но почему-то не пошлого остроумия, как-то даже изящно и к месту ввинчивая матерок.

– Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь? – устало улыбнулся Гоша. – Грека Зорбу.

– Мне гордиться или опять тебе по роже дать? – оживленно поинтересовался Игнат, отправляя в рот последнюю порцию деликатеса.

– Дремучий ты, Игнатуля, человек! Грек Зорба – это знаменитый киногерой. Его играл выдающийся актер Энтони Куин. Этот грек отличался великой жизнестойкостью. Все, что он затевал, летело в тартарары, а он хохотал у разбитого корыта и все начинал сначала. Я до сих пор не могу забыть этот фильм, хотя смотрел его всего один раз, еще в студенческие годы.

Игнат вдруг перестал жевать и испытующе уставился на друга.

– Что ты имеешь в виду? Кроме тех пятидесяти штук на двоих, которые мы, блин, должны немедленно забрать с этой е... биржи, у меня, Гошенька, двадцать штук на пенсионной книжке и отчетливые перспективы нищей старости.

– Не узнаю! Ты же солдат. Как насчет боя до последнего патрона?

– Издеваешься? Все, капитуляция. Только вот если родину продать.-

Он опасным хмельным взором оглядел стены кухни. – Поставить все на кон, выиграть – и в дамки.

– Или просрать – и в бомжи!

– Ну вот, а ты меня каким-то сумасшедшим греком провоцируешь. Знаешь мой характер, подонок. Да пошел ты... Я вон лучше кое-что из книжек отцовских загоню, опять подработку себе возьму в кабаке на аккордеоне – а что, хорошо подкармливала...

– Ты меня не так понял, Игнат. Игры кончились, я тоже теперь гол как сокол, но мы не должны терять оптимизма.

– Согласен. Кроме него нам терять уже нечего, – бодро констатировал Игнат и потянулся за шахматами. Гоша стал покорно расставлять фигуры.

Через час Георгий Арнольдович Колесов поднялся к себе на третий этаж, оставив Игната в унынии склоненным над шахматной доской, где в очередной раз учинен был форменный разгром его белой рати. Оповестил, что завтра улетает.

Игнат досадливо хлопнул последние полрюмашки, нацеженные из, казалось бы, опорожненной бутылки, и пошел спать. Ночью проснулся в холодном поту, стал думать о разорившей его бирже, о Гошке, которого, положив руку на сердце, втянул в авантюру и подставил.

Он не признавался другу в безумных, утопических надеждах, воодушевлявших его на биржевые риски. Он с возмущением отверг Гошкину догадку, что, мол, до сих пор не оставляет идею нанять киллера и отомстить... Он и себе в этом не хотел признаваться. Но идея продолжала тлеть на дне души, как в недрах погашенного торфяника, и время слишком медленно и скупо заливало этот тайный, глубинный жар.

Он уснул с воинственным намерением вернуть свое и Гошино.

Утром, выпив кофейку, Игнат приставил к антресоли раскладную лестницу и, надышавшись пылью столетий, извлек из дальнего угла заветный сверток. Аполлон весил килограммов шесть-семь. Выглядел прилично, если не считать отдельных вкраплений вездесущей патины, особенно густо прихватившей темно-зеленым налетом верхнюю грань подставки, а также пальцы ног.

«Хорошо бы сперва почистить, с досадой подумал Игнат. Потом решил: (?) Черт с ним, и так сойдет. Даже лучше: древнее выглядит».

Он нашел в справочнике несколько телефонов антикварных салонов. В первом же, с соблазнительно подходящим названием «Наследие», ответили, что старую бронзу берут.

Тем временем Георгий Арнольдович Колесов понуро укладывал сумку, собираясь в дорогу в отвратном настроении. Командировка предстояла долгая. Небольшая телекомпания оплатила ему две недели изысканий в архивах на Кубани, желая сценарий документального фильма об Андрее Шкуро. Был такой белый партизан, лихой рубака, безжалостный и жестокий, крошивший в капусту и комиссаров, и простых крестьян, пока его начальник, генерал Врангель, не выгнал героя на все четыре стороны. В конечном счете он оказался в Париже в качестве циркового наездника, послужив, как считается, прообразом есаула Голована в булгаковском «Беге». Персоны Белого движения были востребованы в кино, как когда-то красные командиры.

В среду утром Гоша отправился в аэропорт. Игнату звонить не стал. Они уже, считай, попрощались накануне, пожав друг другу руки, что являлось достаточным формальным актом, знаменующим более или менее длительное расставание друзей. Обычно прощались просто – «привет» или «пока».

Они не были сентиментальны в своих отношениях.

Они редко звонили друг другу, если кто-то из них уезжал, даже надолго, – разве что по какому-то конкретному поводу, с бытовой просьбой.

Они держали паузу, чтобы потом наговориться вживую.

Они слишком давно существовали как близкие и родственные души, воспринимая возможность быть рядом, помочь, если надо, как само собой разумеющееся.

Вот почему Георгий Арнольдович Колесов не на шутку взволновался, получив сообщение от Даши: Игнат исчез.

Глава девятая. Очевидное – невероятное

А случилось так... Шестой день после отъезда Колесова выпал на вторник, день уборки помещения.

Дарья Акимовна Лукина, или просто Даша, как ее издавна называли в обоих домах, «явилась драять конюшню» – так она докладывала шутливо на военный манер, потрафляя юмористическим вкусом полковника в отставке. Лет пятнадцать кряду, раз в десять дней, в очередь с другими клиентами, Даша обихаживала Оболонских, живя сперва поблизости, в Малом Харитоньевском, а в последние годы, уже после гибели Олежки и Веры Матвеевны, – на добровольных высылках в Выхино. После смерти мужа, классного слесаря и вообще рукастого мужика, Даша сочла разумным продать однокомнатную в дорогушем старом центре, купить на окраине, а на разницу плюс заработок жить самой и сына тянуть, пока «утизм» этот проклятый не пройдет.

Сыну Костику шел двадцать шестой год, и болезнь его была врожденной. Называла ее Даша на свой манер – «утизмом». Сперва Игнат, Вера Матвеевна и даже Олег поправляли ее, мол, правильно «аутизм», но потом бросили – какая, в конце концов, разница. Как ей удобно, пусть так и называет.

Даша почти всегда таскала Костика с собой, боясь оставлять одного, хотя аутисты – в основном народ спокойный, молчаливый, покорный, погруженный в себя. А Костик так и вообще особый случай, легкий, нестрашный. Так до его четырнадцати примерно лет и приходила с ним на уборку. Костик тихо садился в уголочке, вещицу какую-нибудь в руках вертел. Потом кубик Рубика ему купили, и он чудесным образом собирал его за три-пять минут, перемешивал цвета на поверхностях и снова собирал. Потом, повзрослев и малость обучившись в специальной школе, что-нибудь читал, что на глаза попадалось или Олег подсовывал, или рассматривал картинки в журнале. Читал и запоминал почти фотографически, намертво, в чем не раз убеждалась мать, хвастаясь перед Игнатом и Гошей уникальными способностями сына. Олежка любил его, опекал, как мог, но, будучи постарше и поделовитее, времени ему уделял немного. К тому же Костик к музыке был совершенно равнодушен, что Олег даже с поправкой на «утизм» принять не мог.

Костик был не то чтобы уродлив, но... Курносый мясистый нос, неестественно широко поставленные, слегка навывкате глаза водянисто-синего цвета и скривленная, словно в застывшей ухмылке, линия тонких, почти всегда приоткрытых губ. Под верхней заметно проступали края десны с редко посаженными зубами. Природа не расщедрилась. Девушка-дурнушка и та не засмотреться.

Впрочем, толк вышел. Уже лет как шесть Даша спокойно предоставляла его самому себе. Теперь за него не боялась. Он работал дома копиистом, да еще был под приглядом компьютера. Обучился быстро, с помощью соседа Шурика, доброго парня. А потом и Георгий Арнольдович немало с ним повозился. Часами сидит ? щелкает как замороженный – не оторвешь. Аутисты – они, как известно, в некоторых сферах удивительные проявляют способности. Особенно при одной разновидности этой болезни, граничащей с гениальностью.

Дома у Оболонских часто никого не бывало. У Даши ключи, проблем никаких, она как родная.

В понедельник, накануне дня уборки, Даша, как всегда, позвонила напомнить, что завтра придет. Она больше любила, когда кто-то дома – хоть поговорить можно с живым-то человеком, душу иногда отвести. А с Игнатием особенно. Он нормальный, свой мужик, не выпендривается. Веру, когда еще жила в квартире, недолюбливала – недобрая по сердцу. На словах вежливая, вроде даже ласковая, а высокомерие чувствовалось, нет-нет да и покажет исподволь, что

из разного они теста, на разных ступеньках стоят. Когда Георгия Арнольдовича у него заставала – радовалась. Он умный, разговорчивый, все на свете знает, всегда совет даст, Игнашку любит как брата – дай им Бог обоим: несчастные мужики, один сирота, другой вдовец, сына потерявший единственного...

Даше телефон не ответил. Ну и ладно...

На следующий день, во вторник утром, Даша позвонила в квартиру, Игната не было. Вошла, окликнула. Тишина. Везде заглянула – пусто. Набрала Гоше, но вспомнила, что тот уехал в командировку еще на прошлой неделе – предупреждал, что с полмесяца уборки не надо. Мобильный Игнатия не помнила – дома осталась книжка записная. Может, к соседу заскочил на минутку? С Абрикосовым, соседом по лестничной клетке, бывшим партийным деятелем КПСС, ныне пенсионером при хабалке-дочери и богатым зятем, Игнатий иногда общался по пустякам, заходил бутылочку распить.

Она позвонила, тот в глазок ее увидал – знакомы были, даже как-то пару раз убирала у него, но потом жена его отказала, наняла «элитную». Увидал, открыл, развел руками: не заходил давненько, не встречались, отлучался ли куда – не знает.

Даша решила панику не поднимать – не ребенок, вернется! Поубиралась часок, кошки на душе заскребли, предчувствие, что ли, какое появилось... Однако – делать нечего! – дотерла-домыла-допылесосила. Но перед уходом торкнуло ее что-то в башку. Костика набрала. Велела записную книжку взять на столике у телефона, открыть на «И», найти «Игнатий», задиктовать номер, возле которого написано «моб». От волнения заговорила с сыном, как лет десять назад, когда он совсем еще глупый был, все по команде, по разъяснению. Теперь не то. Теперь он, слава Богу, почти нормальный стал. Так, во всяком случае, ей приятно было думать.

«Абонент не отвечает или временно недоступен».

Все, решила, не буду себе голову забивать. Вернется. Не впервой в загул уходит. Закрыла на оба замка и уехала. Вечером поздно позвонила – молчок. И мобильный талдычит: «... временно недоступен». Три дня кряду звонила. Без толку. И тут уж сердцем почуяла беду. С кем посоветуешься? Только с Гошей. Ему и позвонила. Мобильный в далеком Краснодаре ответил: по счастью, роуминг у Георгия Арнольдовича был включен. Тот выслушал, встревожился. Обещал послезавтра вылететь, если завтра не найдется.

Глава десятая. Нашелся!

Вечером того же дня в Гошином мобильном разразился Игнат.

– Здорово...

Георгий Арнольдович с трудом узнал голос. Едва различимый баритон загустел до низких басовых с хрипами, как у Луи Армстронга. Это могло означать лишь одно: пил сутками.

– Ты куда пропал, скотина? Даша звонила, мы в розыск на тебя хотели подавать, я уже вылетать собрался...

– ...Вылетай, Гошка, срочно, мне плохо, – Колесов услышал протяжное нутряное мычание подыхающего быка.

– Рассолу огуречного попей, сволочь, и тебе станет хорошо.

– Гоша, я тебя очень прошу, я тебя как друга в первый раз в жизни **так** прошу бросить все и немедленно ко мне приехать. Мне очень плохо, и это не то, что ты думаешь. Совсем не в этом дело.

Тут Колесов почувствовал неладное. **Так** Игнат действительно еще никогда не просил, и такой интонации Колесов что-то не припоминал за все годы. А уж запои и загулы бывали – ого-го... Посетило мрачное предположение: пошел к врачу, нашли что-нибудь смертельное. Отбросил: «Игнат? Сам? К врачу? Нереально!» И все же...

– Ты что, заболел?

– Гошка, прилетай немедленно, – простонал Игнат, и трубка дала отбой.

Георгий Арнольдович задал себе простой вопрос: «Даже если до чертиков допился или блажь какая-то чудовищная – могу я просто взять и не приехать? И кто вообще у меня есть на свете по большому счету, кроме этого жирного алкаша-трубадура?»

Следующим утром он уже менял билет в аэропорту, предвидя грандиозный скандал и материальные претензии заказчика, мечтавшего возвести в ранг великомученика этого Шкуро, палача и солдафона.

В семь вечера Гоша прямо с дорожной сумкой, не заходя к себе, поднялся до третьего и позвонил многолетним «кодом»: два длинных – короткий. Открыл Игнат. На нем был лучший из двух его застиранных махровых халатов. Лохмы густых поседевших волос топорщились как у безумных ученых или маньяков в старых кинолентах. Пунцовая рожа «ощетинилась» недельными колючками, глаза сияли. Бессмысленная улыбка безумца не оставляла сомнений, что Гоша трагически опоздал. Этому человеку не может быть плохо: он по телефону соврал. Перед Георгием Арнольдовичем предстал классический обитатель палаты номер шесть. Гоша мгновенно понял, что надо вызывать...

Тут Игнат сделал несколько шагов за порог, сгреб Колесова в объятия и втащил в прихожую, обдав удушливой смесью ароматов с преобладанием сивушно-чесночного. Ногой ловко выбил у него сумку из руки, ногой же захлопнул входную дверь и втянул в большую комнату, не разжимая медвежьих лап. Пхнул в кресло у рабочего стола, где экран компьютера высвечивал до боли знакомые мельтешащие таблицы котировок, и, снова овеяв сногшибательным дыханием желудочно-кишечных бездн, кошмарным шепотом изрек: «Мистика, Гошка, мистика! Статуя живая, понял? Аполлон этот... живой. Он волны испускает, понял. Мы миллионеры, понял?» И перейдя на заговорщицкий: «И тогда я его достану, гада, усек?»

Георгий Арнольдович тотчас понял все. Кроме одного: как немедленно добраться до телефона и позвонить не при Игнате. Всяко бывало, но с белой горячкой дело иметь доселе не приходилось. В любом случае нервировать не стоит.

Он осторожно скосил глаз чуть в сторону от компьютера, где стояла у края стола бронзовая хрень. Прикинул, что увесистая. Если Игнат станет буйствовать и врежет ею по башке, Гоше в отличие от друга помощь уже не потребуется.

Он попробовал взять себя в руки и артикулировал нечто, долженствующее, как ему казалось, успокоить больного, купировать приступ.

– Хорошо, Игнашенька, волны так волны, давай отпразднуем, выпьем по маленькой, обсудим.

Игнат замер, улыбка растворилась в складках лица, выражение глаз поменялось на подозрительно-серьезное. Он уставился на Гошу изучающее, словно впервые его лицезрел.

– Ты что, решил, что у меня чердак съехал? Решил, что по пьяни вызвал?

– Боже упаси, Игнат, – попытавшись выдать возмущение, пролепетал Гоша. – Я просто волновался, примчался, ты же просил. Я думал, у тебя что-то с сердцем.

Тут Игнат широко, концертно распахнул руки, улыбнулся во всю ширь обрюзгшей пунцовой физиономии и с чудовищным хрипом надрывно возопил: «Се-е-ердце в груди-и-и бье-ется, как птица...» Это была отчаянно смелая интерпретация «хита» Любви Орловой из «Веселых ребят» – хорошо, что великая артистка не могла услышать ее в могиле. Зато услышал Гоша и обомлел. Перед ним был действительно полубезумный, но достаточно трезвый и совершенно счастливый друг.

Игнат плюхнулся в соседнее кресло, «исправил лицо» и, разительно посерьезнев, изрек.

– Георгий, этот бронзовый малый подсказывает ходы! То есть не ходы, конечно, а ставки. Вот, гляди, будь я проклят!

Он притянул голову Гоши поближе к экрану дисплея, призывно глянул на Аполлона, мирно и индифферентно взирающего, как не трудно догадаться, в одну точку, куда-то чуть мимо Игнатовой головы. Почти не глядя на «игровое поле» биржи, Оболонский сделал несколько щелчков мышкой. Затем с непривычной для Гоши легкостью и скоростью набрал в «окошках» количество приобретаемых акций нефтяного гиганта и цену, за которую намерен их прикупить: двести пятьдесят акций по сто шестьдесят восемь рублей каждая.

Жуткие картины и еще не остывшие эмоции всплыли в Гошиной исторической памяти, и он рефлекторно протянул руку, чтобы схватить мышку и щелкнуть «отмену». Но получил по этой самой руке хлестко и больно – пришлось отдернуть.

– Жди! – таинственным шепотом произнес Игнат, и оба уставились на дисплей, ожидая диаметрально противоположных последствий.

Глава одиннадцатая. Чудо

Через пять-семь минут акции резко пошли вверх и поднялись в цене почти на два рубля. Игнат с той же ловкостью и уверенностью произвел обратное действие. Выигрыш был всего-то двести пятьдесят рублей, но и не презренно мал за пять-то минут. Главное – он был **реален**. И самое главное – тотчас после завершения операции, за те же пять минут, котировки акций нефтяного гиганта промчались вниз, как с горки ледяной, проскочили цену покупки и притормозили на тридцать копеек ниже. Оба невольно подняли головы и устремили взоры: Гоша – на Игната, слегка изумленный, Игнат – на Аполлона, молитвенно восхищенный.

– Гляди дальше!

Игнат покосился на статуэтку, потом будто вслепую, как карту из колоды, «выудил» из таблицы акции крупного банка и купил на все. Колесов уже с некоторым любопытством следил за динамикой цены, она тотчас слегка опустилась, опять-таки минут через пять рванула вверх, словно по команде какого-то невидимого босса, и через десять минут торжествующий Игнат щелкнул мышкой и зафиксировал прибыль в 1200 рублей. И снова, как по волшебству, цена этих акций, покачавшись, стремглав дернула вспять, лихо проскочила отметку, на которой Игнат покупал, и притормозила заметно ниже.

Гоша пришел в себя. Не потому, что Игнат выигрывал, нет. Причина его «сумасшедшего обогащения» стала вдруг Колесову совершенно ясна: этот упрямый оболдуй внезапно приспособился к прыгающему, так называемому волатильному рынку и ему до поры до времени везло. Еще пару счастливых побед, а потом неизбежный «Вариант «Сатурн», который разорил их к такой-то матери. Масштаб катастрофы уже не будет столь ошеломляющим, поскольку основные капиталы профуканы. Но вся триумфально заработанная пара тысяч неизбежно грохнетя в купе с жалким остатком их средств на счете при очередной, возможно – ближайшей сделке.

Гошу успокоила не Игнатовая мимолетная удачливость. Он понял, что полковник **излечим**. Нет никакой белой горячки! Слава Богу, это лишь временное помутнение сознания на почве похмелья и эйфории. Рецепт исцеления и само «лекарство» находились на письменном столе в виде небольшого бронзового бога в победительно-величавой позе. Достаточно Игнату пару раз выиграть в отсутствии Аполлона или сделать несколько плохих ставок «под присмотром» статуэтки, и этот псих протрезвеет окончательно, мистический туман рассеется, и суровая реальность лучше всякого рассола и психотерапевта вернет человека обществу. По крайней мере, его, Гошиному, обществу. Ибо в то, куда неведомое, где бывший военный дирижер тайно провел последние дни, хорошо бы его больше не пускать ни за что.

Между тем Игнат замер, поглядел на Аполлона с почтением и вниманием преданного ученика, кивнул понимающе и с победительной уверенностью произвел мышкой нехитрую манипуляцию. Георгий Арнольдович заметил, что к «игровому полю» на дисплее добавилось название и параметры еще одних акций, знакомых до боли, до зуда, до скрежета зубного: ПО «Сатурн».

Игнат сделал паузу, придержал дыхание, словно целился в эту строчку из снайперской винтовки, и уверенно купил бумаги «Сатурна» на весь денежный запас.

Гоша вперился в колонку котировок, испытывая смешанное чувство досады и скрытой радости. Он понимал, что сейчас Игнат просрет выигрыш, задержается и очень скоро не останется даже той малости, что еще зацепилась за их брокерский счет после жестокого разора. Но радовалась, теперь еще и злорадно, близкая развязка, закономерное фиаско этой парочки, Мясного и Бронзового (он поймал себя на мысли, что невольно повелся на Игнатов психический сдвиг и дал статуэтке человеческую кличку).

«Сатурн» почти не шевелился, прибавляя туда-сюда по десять-двадцать копеек.

«Знакомая диспозиция, – отметил про себя Гоша. – Сейчас...»

Он опоздал со своим мысленным предзнаменованием. Он не поверил глазам своим. «Сатурн» попер вверх сперва лениво, прихрамывая, два шага вперед – шаг назад, а потом вдруг выстрелил, как хороший стайер на финише, за десять минут динамично вскарабкался аж на пятьдесят пунктов и замер, словно желая отдышаться.

– Ну! – не сдержавшись, по старой памяти крикнул Гоша, охваченный внезапным азартом. – Давай!

Игнат повторил, как прежде, свое сакраментальное «заткнись!», поглядел на фигурку и мотнул головой: «Он пока не велит».

Они просидели молча еще минут пять. Котировки «Сатурна» переминались с ноги на ногу и вдруг опять устремились ввысь, прибавив еще двадцать рублей на акцию. Тут Игнат совершил сделку и торжествующе уставился на Гошу. Лоснящееся от трудового пота лицо триумфатора снова напомнило Колесову о том, что друг не в себе.

Он тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от морока, и по возможности спокойно спросил: «Ты зачем меня вызвал?»

– Как зачем? Пустим биржу в распыл. Станем миллионерами. Ты че, Гошка, глазам своим не веришь? Так и я не верил, ядренть, пока не понял, кто мне командует.

– Идиот, я думал, что ты свихнулся, сбрендил, а ты, оказывается, в порядке, ты всего лишь в мистику ударился на почве пьянства. Нет, слава богу, я рад, что все не так серьезно, ты пару дней не попьешь, проиграешь все, что сейчас благодаря везению выиграл, и заживем мы с тобой, как и прежде, бедные, но гордые, будем выкручиваться. Кстати, Любаню пригласить надо, давно не виделись...

Глава двенадцатая. Эксперт

Итак, мы расстались с отчаявшимся музыкантом в те минуты, когда он укладывал Аполлона в сумку и собирался ехать по адресу: Дронов переулок, восемь, антикварный салон «Наследие».

Игнат шагал к метро, и душа его разрывалась. Он испытывал угрызения совести, каких не знал, наверное, никогда. Ну, может быть, после первой физической измены молодой тогда жене, еще два месяца назад невесте Верочке, такой любимой и желанной. Но Катька напоила и соблазнила, сука, а был он на это дело падкий, неуправляемый... Эх!..

И вот теперь... Три поколения семьи берегли реликвию.

«Что у тебя осталось, Оболонский, в этой жизни святого, заветного? – спрашивал он себя и отвечал: – Могилы отца да матери, старые фотки, книги отцовские и дедовы в малом количестве со знакомыми с детства корешками. Еще Олежкины вещи, ноты, классер с марками, которые он начал собирать с моей помощью да бросил. Еще Веркино свадебное платье, которое выгащил с антресолей заодно со статуей. Истлело оно все, как время, что прошло с той поры. Да и память о любви, какая между нами была, поиспоганил загулами и блудом. Сволочь ты, Игнатий Оболонский, никчемная старая пьянь, предатель своей фамилии и своей собственной жизни – вот ты кто! Вернись, оставь статую, перед смертью музею завещаю, если ценная. Оленьки-то нет, больше завещать некому».

Такие мысли терзали Игната, но ноги мыслей не слушались и сами несли его в антикварку, где хотел он для начала узнать, почем можно толкнуть реликвию. И если что – сыграть по-крупному, собрать сумму и тогда... Пущин!

Салон представлял собой четыре небольших зала или просторных комнаты. В каждой выставлен был свой товар. Каждая под завязку забита была произведениями изобразительного, прикладного и прочих искусств, всяческой посудой, старыми часами, сундучками и табакерками, трубками, монетами – словом, чего там только не было. Игнат огляделся и быстро понял, что попал в тот мир, где он чужой, где его дремучее невежество даже не позволяет сделать вид, что он имеет хоть какое-то представление о предмете в старой спортивной сумке. Он вдруг подумал, что надо было сперва залезть в Интернет, попытаться сориентироваться. Но о чем, собственно, у Интернета спрашивать? Как ставить вопрос? Почем бронзовые Аполлоны?

Он решил ни в коем случае не торопиться, ничего сегодня не решать, скульптуру с ходу не ставить на продажу ни за какие деньги. «Кинут, глазом моргнуть не успеешь. Для начала надо понять, что же на самом деле представляет собой это семейное сокровище, а может, и не сокровище вовсе – копия, каких сотни. Отлили в девятнадцатом веке, прадед – археолог привез и объявил ценностью несусветной. Может, прадед мой Тарас к тому времени свихнулся или еще чего? И стоит этот Аполлон, как любая копия, не бог весть каких денег. Но не две же копейки! Миллион-то хоть потянет. Нет, надо осторожненько...»

Так рассуждал Игнатий Оболонский, бродя по почти безлюдным залам салона, когда услышал:

– Интересуетесь чем-то конкретным или принесли показать?

Оболонский оглянулся. Мужчина лет сорока в безупречно сидевшем на нем темном костюме и умеренно строгом галстуке глядел с любезной услужливостью и подчеркнутым уважением. Бейджик на лацкане сообщал, что Игната встретил Малян Роберт Гургенович, менеджер-эксперт.

– Да вот, хотел бы оценить кое-что, посоветоваться, – напуская на себя солидности, прогундел Игнат.

– Прощу вас, я провожу, – эксперт улыбнулся профессионально ласково и мягко, жестом указав на неприметную дверь в торце зала.

Они вошли в кабинет, две стены которого были скрыты от пола до потолка зелеными занавесями. Игнат почему-то решил, что эта парча скрывает стеллажи, где у них товар особой ценности, не для всех. Так оно и оказалось.

Роберт Гургенович пригласил в глубокое кожаное кресло, предложил чай-кофе, Игнат на чай милостиво согласился.

– Итак, чем могу быть полезен... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Иван Петрович, – представился Игнат, еще по дороге решил от греха подальше соблюдать поначалу конспирацию – в прессе ему не раз попадались истории про ограбленных и даже убитых владельцев антикварных ценностей.

– А я Роберт Гургенович. Весь внимание, уважаемый Иван Петрович!

Игнат извлек Аполлона, завернутого в плотный полиэтилен, освободил и аккуратно водрузил на полированный столик.

Взору эксперта Маляна предстал бронзовый юноша ростом сантиметров сорок – пятьдесят с прекрасными, совершенными чертами лица, выдававшими раннюю зрелость, мужественность и даже величавость. Он облачен был в длинное покрывало, на манер классических античных статуй складками ниспадавшее почти до пят. Придерживая его левой рукой, он расположил правую ладонью вниз на уровне лба, чуть вытянув ее вперед, – то ли слегка отгораживался от солнечных лучей, то ли, наоборот, приветствовал небесное светило, а заодно и весь окрестный мир, то ли просто всматривался вдаль, за горизонт. Корпус юноши-мужа слегка подавался вперед. В меру мускулистые ноги довольно широко расставлены, одна чуть позади другой, мощные босые ступни упирались в бронзовый же, заметно траченный пятнами бурозеленой патины постамент. Голову украшал венец о девяти невысоких лучах, придававших его прекрасному земному облику царственно-божественный мажор.

Даже не требовалось быть экспертом Маляном, чтобы оценить совершенство пропорций и деталей статуэтки, мощь ее мифологической символики, абсолютную гармонию с теми представлениями о великом и прекрасном, с тем миром, в котором творил вдохновенный мастер пока еще неведомого века. Но обязательно надо было быть «предпринимателем», психологом Маляном, чтобы правильно оценить ситуацию: «Скорее всего, лох. Принес – предположительно! – **Вещь**».

Любой зритель, обладай он хотя бы минимальным вкусом и эстетическим чувством, не мог не оценить красоту статуэтка. Выпускник ереванского художественного техникума Роберт Малян просек все и сразу. Психолог, человекоед Малян просек еще и Игната.

Он не должен был терять ни минуты на любование статуэткой, а главное – не терять самообладания.

Ему в руки свалился клиент. С неба свалился прямо с античным богом под мышкой. Его нельзя упускать ни за что.

Это может быть фальшивка. Это мог сотворить класный литейщик пять лет назад в одесском подвале на Малой Арнаутской, или в маленькой мастерской под Парижем, или в квартале ремесленников какого-нибудь греческого острова Пафос, прячась от взглядов и гомона неисчислимых туристов. Но Роберт Малян десятым чувством определил, что нет, не фальшак, не дешевка, не конвейерный божок для туристов-зевак. Тут что-то... старое, старенькое, даже старинное.

– Вы позволите? – Задав вопрос в интонации риторической, Малян достал из ящика стола белые матерчатые перчатки, надел их с видом хирурга перед сложнейшей операцией, оттуда же извлек лупу и стал изучать скульптуру, аккуратно поворачивая ее по оси, наклоняя туда-сюда, ведя лупу медленно, сантиметр за сантиметром.

Откуда было догадаться Игнату, тотчас проникнувшемуся уважением и доверием к специалисту, что за этим экспертным изучением не стояло ничего, ровно ничего, кроме желания произвести впечатление на него, дурака.

Роберт Гургенович, обладая кое-какими познаниями в сфере живописи и графики девятнадцатого-двадцатого веков, а также разбираясь чуть-чуть в фарфоре двух-трех знаменитых русских заводов того же периода, ровным счетом ничего, ну ни бельмеса не понимал в скульптуре, тем более в изделиях из бронзы и уж тем более в античных или выполненных под антику.

Малян ваньку валял. И тянул время. Он должен был точно, безошибочно разыграть партию. Не впервой, но схема всегда требует поправок применительно к типу лоха. Полный – не полный, алкаш – не алкаш, уровень образования, темперамент, местный – приезжий, оставит под расписку – не оставит, спер – нашел на чердаке, упрямя – податлив, поведется на неформальную сделку – заартачится и т. д. Обо всем этом нельзя было спрашивать напрямую. Особо поначалу: это нарушение, риск, отход от методики, прямой путь к потере клиента. Малян исподтишка бросал быстрые взгляды на Игната, прикидывая единственно верную интонацию.

А вот и первая промашка. Непростительная. Он забыл, что клиент просил чаю. Тихо вошла Наташа, поставила поднос на маленький столик в углу кабинета. Она увидела статуэтку.

«Идиот! Как же ты мог! А извиниться, выскочить на секунду, отсрочить чаепитие!.. Ну и что, что любовница? Сегодня да, а завтра нет. Болван!»

Наконец он завершил осмотр. Убрал лупу. Стал медленно снимать перчатки, взгляд слегка рассеянный, задумчивый. Лицо выдавало напряженную работу памяти, вскрывающей пласты знаний о предмете.

– Ну, что я могу сказать? Поверхностный предварительный осмотр, к сожалению, не дает поводов сильно вас порадовать, уважаемый Иван Петрович. Не стану утомлять профессиональными терминами и нюансами, но ваша вещь выполнена отнюдь не во времена Софокла и Еврипида, мягко говоря. Полагаю, лет ей сто от силы, тип литья и некоторые визуальные характеристики поверхности металла достаточно внятно об этом свидетельствуют. Я вижу изъяны и несовершенства линий, грубоватые отклонения от некоторых хрестоматийных пластических канонов, свидетельствующие о дурной импровизации скульптора – ремесленника.

Роберт Гургенович говорил еще минут пять, неторопливо, степенно, как бы взвешивая каждую свою оценку. Это была одна из лучших импровизаций очаровательного дилетанта и проходимца.

По мере приближения печального для Игната приговора он все больше мрачнел и мысленно опускал изначально вождеденную цену до семисот, пятисот, а потом и трехсот тысяч. И с горечью понимал, что, как говаривал кто-то из героев «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, «это не спасет отца русской демократии».

– Сколько? – уныло спросил Игнат, когда эксперт наконец замолк, тяжело выдохнув.

– А вот на этот вопрос, уважаемый, я вам сейчас ответа дать не могу, не имею права, – с видом ответственного чиновника произнес Малян. – Я обязан посоветоваться с коллегой, который является куда более глубоким знатоком бронзовой скульптуры с античных времен до нашего века. Вещь надо ему показать. Но... – Тут Малян заговорщицки понизил голос до шепота, – ...не здесь и не сейчас. Я могу быть с вами откровенен, Иван Петрович? Могу надеяться, что разговор между нами?

– Какие вопросы? – оживился Игнат, скумекав, к чему клонит этот чернявый. И, тоже почти убрав звук, заверил: – Могила!

– Все очень просто, – пояснил Малян. – Если это дешевка, качественная подделка, ремесленная работа, но выполненная в новые времена, выставлять ее на продажу глупо. Допустим, получите вы, в зависимости от оценки салона, за вычетом комиссионных, от трехсот штук до шестисот. В лучшем случае. А то и вовсе не возьмем – не уйдет. У нас контингент ушлый, знающий, разборчивый. Если же окажется, что вещь действительно старая, а то и античная, в чем я решительно сомневаюсь, салон тем более не примет. Не имеем права. Музейная ценность, видите ли. Надо обращаться в аукционные дома, получать музейную экспертную оценку, да лучше не одну. А чем это грозит лично вам, надеюсь, сами догадываетесь!

– Чем? – не на шутку разволновавшись, тревожным шепотом спросил Игнат.

– Вы что, забыли, какие времена за окном? – При этом оба инстинктивно взглянули в сторону штор, оставляющих широкий просвет, через который пробивалось не по-осеннему щедрое солнце... – Грабежи, убийства, разбойные нападения, аферы. Господи, Иван Петрович, вы как будто газет не читаете, телевизор не смотрите!

– Почему же? – обиженно отреагировал Игнат, действительно не слишком жаловавший СМИ. – Наслышан, читал, знаю.

– И потом... Допустим, вещь музейная. Где взяли?

– Семейная реликвия. Переходила из поколения в поколение. Прадед – археолог откуда-то привез.

– Во-о-от, дорогой вы мой, тут основная проблема и всплывет. А вдруг известный музей где-нибудь во Флоренции сто пятьдесят лет числит ее пропавшим экспонатом? А вдруг потомки частного коллекционера в каком-нибудь Лондоне на документах докажут, что это им принадлежало в одна тысяча восемьсот лохматом году? Или, скажем, правительство Турции обратится в международный суд с претензией, что этот бронзовый шедевр был вывезен нелегально с их территории, некогда называвшейся... Ну и так далее... И тогда – ни денег, ни покоя, ни удовольствия от владения вещью. В любом случае мой вам совет: поелику возможно – полная конфиденциальность, – продолжил Малян. – Простите, много ли народу знает о вашей статуэтке, если не секрет?

– Да никто и не знает. Один живу. Овдовел.

– Примите сочувствие, уважаемый. Вот и я один, но всего лишь в разводе, – понимающе вздохнул «эксперт», с тоскою воззрившись в пространство кабинета. – На порог не пускают, дочь раз в месяц вижу. (Он горестно вздохнул, это было и в самом деле правдой, позволившей достоверно выйти на доверительную интонацию, – Малян поймал вдохновение). Так вот, к нашим баранам, как говорят на моей исторической родине в предгорьях некогда нашего Арарата, – снова перейдя на заговорщицкий лад, зашептал Роберт. – Если коллега, о котором я упоминал, подтвердит мое предположение и эта штука серьезных денег не стоит, решайте сами, в зависимости от ваших материальных потребностей. Если же я ошибаюсь, что вряд ли, но дай-то бог, я окажу вам неофициальную надежную помощь в реализации вещи помимо всяческих салонов и тем более аукционов. И поверьте, дорогой, вы получите реальную цену, все сполна, оставаясь в полной безопасности. Вы имеете дело с интеллигентным порядочным человеком. Мне омерзителен любой криминал, но у нас, у антикваров, свои представления о правилах сделки, и я всю жизнь придерживаюсь старомодных принципов: честь и репутация превыше всего.

– Ну хорошо, а что я должен сделать? – наивно поинтересовался Игнат.

– Вы – ничего. Я даю вам расписку. Лично я, а не салон, если, конечно, вызвал у вас доверие. Вы оставляете мне вещь на три-четыре дня. Все строго между нами. Дальше я звоню, мы встречаемся, но уже не здесь. Где – договоримся. Если есть серьезный предмет для переговоров, прибудет тот специалист, о котором я упоминал. Если нет, я просто верну вам статуэтку, сообщу о ее, скорее всего, скромной продажной стоимости, и дальше – на ваше усмотрение. Еще раз подчеркну: строго между нами. Иначе вы подведете себя и меня.

Игнат совершил в своей жизни массу глупостей. И теперь как никогда близок был к тому, чтобы сделать величайшую, рекордную. Он открыл было рот, чтобы сказать «пишите!», и тут... что-то необъяснимо властное, потустороннее, но почти физически осязаемое сдавило грудь, стеснило дыхание, бросило в жар.

«Эксперт» заметил перемену в нем и даже поинтересовался:

– Что с вами?»

– Да нет, все нормально, – рассеянно ответил Игнат, пытаясь осознать происходящее с ним или в нем. Он сидел молча с полминуты, глядя мимо собеседника, и вдруг отчеканил

твердо и решительно, с былой военной беспрекословностью: – Мне надо подумать. Сутки. Трудный шаг. Семейная реликвия – не что-нибудь. Давайте ваш телефон. Свяжусь с вами завтра в пятнадцать ноль-ноль.

Глава тринадцатая. Соскочил...

Малян, словно выполняя команду на плацу, от неожиданности резко выхватил из переднего кармана пиджака визитку и протянул. Игнат взял, почему-то попрощался старорежимным «честь имею!» и бодрым шагом покинул кабинет.

Роберт Гургенович выждал десяток секунд и стремительно набрал номер на мобильном.

– Додик, слушай сюда! Выходит из салона, высокий, пузатый, серая куртка, кепка, лет шестьдесят, сумка синяя спортивная, большая. Отследи – кровь из носу. Упустишь, зарежу. Нужен адрес, понял? Все...

Додик, бывший борец классического стиля в среднем весе, а ныне шестерка у Хозяина, приданная Маляну, завел свою вишневую «ауди», что была припаркована в двадцати метрах от салона «Наследие», и тотчас увидел Игната, уверенно отворяющего парадную дверь. Он медленно поехал следом, профессионально держа дистанцию.

Объект бодро вывернул с Дронова переулка на проспект и напрямик направился к подземному спуску в метро, что был метрах в ста. Додик довольно ухмыльнулся, тормознул сразу за поворотом на проспект в неположенном месте, закрыл машину и вышел, предвосхищая легкую работу.

Но тут случилось непредвиденное. Не дойдя пяти метров до спуска в метро, объект внезапно метнулся к проезжей части и, с лету, без церемоний распахнув дверцу, нырнул в стоявшее у перехода синее такси. Додик на секунду застыл от неожиданности, но тотчас среагировал и бросился назад, к «ауди». В этот момент такси тронулось. Додику хватило секунд двадцать, чтобы домчаться до машины и дернуть дверцу. Но закрыть ее он не успел. Он почувствовал легкое сопротивление и, резко подняв голову, почти уткнулся в умильно улыбающуюся ряху гаишника. Одной рукой тот чуть придерживал дверцу, а другой отдавал честь.

Он только начал представляться, когда Додик с ловкостью фокусника выдернул из барсетки пятьдесят долларов и внедрил в карман блюстителя с громкой мольбой: «Очень тороплюсь, дорогой!» Но блюститель никуда не торопился.

«Роберт меня убьет, – мелькнуло в сознании. И мгновенно ясной сделалась причина грядущей расправы: – Я даже не запомнил номер, мудак!..»

Тем временем Игнат ехал домой, крепко держа на коленях реликвию семьи. Он не пытался объяснить себе, почему решительно покинул салон, почему вдруг сел в такси, хотя до метро «Тургеневская» всего четыре остановки с одной пересадкой. С какого-то момента он действовал то ли по наитию, то ли по велению свыше. Вроде бы вполне убедительное и логичное предложение этого Роберта почему-то разбудило в душе непонятную тревогу, вызвало обратный эффект.

Дома Игнат извлек Аполлона и поставил его на письменный стол. Он принял решение. Скульптура останется при нем. Ее унаследует Гошик, когда урна с Игнатовым пеплом погружится в могилу на Востряковском кладбище рядом с могилами предков. Если же Гошке раньше суждено – музей получит, или Костик Дашин, или даже Любаша, или кто угодно. Ему, Игнату, будет уже все равно. Но не при его жизни. Кошунства не совершит, своими руками он эту семейную связь времен не порвет, нет. Ни за какие деньги. Тем более что этот Роберт вряд ли ошибается: миллионов она не стоит.

Перед тем как упаковать фигуру и отправить на привычное место на антресоль, Оболонский решил перекусить. Изъяв из морозилки скрюченные ледяные сосиски и замороженные овощи, он разогрел все это в микроволновке, отвинтил беленькую и хмуро выпил половину под нехитрую закуску. Переместился за письменный стол поближе к Аполлону, увлажнившимся хмельным взглядом областал фигурку, показавшуюся ему сейчас удивительно красивой.

– Эх, Аполлоша, – вздохнул Игнат, малость ошалев от пришедшей мысли, и включил компьютер. – Давай с тобой, Аполлоша, напоследок, пока мы вдвоем и Гошка нас не видит, сыграем ва-банк – была не была. Просрем последние, и хер с ними. А вдруг выиграем? Ты мне, брат, помоги, ты же древний, мудрый, все знаешь. Давай, говори, чего берем?

Язык заплетался, в башку проник и заполнил пустоты приятный туман, сквозь густеющую пелену глаза еще различали мельтешащие цветные полоски на дисплее – биржа буйствовала.

Игнат выбрал известную компанию, ткнул несколько раз в калькулятор, будучи уже не в состоянии посчитать, сколько акций он может купить на весь их с Гошей остаток – пятьдесят три тысячи рублей, и произвел операцию. Последив минут пять за вялым колебанием котировок, Игнат уронил голову на руки и задремал. Он очнулся через двадцать минут, словно что-то властное и грубое вытолкнуло его из сонного морока. Глянул на экран компьютера. Его акции вместе с некоторыми другими взлетели аж на полтора процента и медленно карабкались еще выше. Игнат с изумлением, а потом и благодарно посмотрел на Аполлона и зафиксировал прибыль. Ровно через минуту акции поползли вниз.

До конца сессии неуклонно трезвевший Игнат умудрился произвести еще семь торговых операций, и все до единой ставки, даже те, что делал просто наобум, принесли прибыль. Небольшую, но прибыль. Ничего подобного у них с Гошей не бывало. И не могло быть. Потому что не могло быть в принципе у таких невезучих дилетантов, как они.

К закрытию торгового дня Игнат превратил пятьдесят три тысячи в семьдесят одну. Бутылку незаметно для себя прикончил, но сознание оставалось ясным. Он не пьянел, он ликовавал. Аполлон глядел на него с благосклонной улыбкой мецената. Игрок обнял статуэтку и окропил ее благодарными слезами. Затем поставил на место, оделся, прихватил четыре тысячи, оставшиеся от последней пенсии и, заперев дверь, отправился в город, на воздух, в мир, к людям, с которыми не собирался, но очень бы хотел поделиться чудом слияния с загадочным произведением искусства.

Глава четырнадцатая. Золотой дождь

Это был тот уникальный случай, когда Игнат решил скрыть от друга существенное. Он и сам не понимал почему, но ни слова не сказал про антикварку и Маляна.

– Ну и где ты шатался все эти четверо суток?

– Пил, Гошик. Где – не помню. Смутно помню Лужина Петьку, капитана, труба и литавры еще в гарнизонном, хороший мужик, в Бибирево живет с гражданской бабой. Леню Друнько помню, классный аккордеон, как его нашел, как попал к нему – убей бог... С ним, помню, куда-то поехали, к его корешам, тоже из наших, из музыкантов военных, но я их не знаю, позабыл, наверно...

– Как же так! – с издевкой изумился Георгий Арнольдович. – Тебя дома юноша этот бронзовый ждет, томится, понимаешь ли, чуть не расплавился от желания поскорее тебя сделать счастливым и окончательно сумасшедшим миллионером, а ты сутками пропадаешь, водку хлещешь. Плохо ты блюдешь наши общие материальные интересы!

– Не бойсь, Гошик, биржу не закрывают, Аполлоша в форме, вся жизнь впереди. Я ж тебе показал... Все еще не веришь? Ну и дурень! Хочешь, забирай свою долю и вали строчить дальше за двадцать копеек сценарии про героев труда. А мы с ним такие бабки срубим, такие...

– Зачем?

– Что – «зачем»?

– Бабки тебе **такие** – зачем? Ты что, опять за старое, опять размечтался – Монте-Кристо хренов.

Игнат опешил. С минуту он глядел на Гошу, выбирая между ответом искренним и нарочито грубым. Нашел, как ему показалось, остроумный.

– Закажу комплект шахмат – огромную доску и фигуры из чистого золота. Найму тренера – гроссмейстера. Наблатыкаюсь и буду тебе вставлять каждый вечер по матешнику. По самые помидоры. Чтоб ты издох поскорее от досады. Устраивает?

Игнат неестественно захохотал под аккомпанемент гробового молчания Гоши, потом скомандовал:

– На сегодня все, пятница, торги кончаются, а в понедельник утром – у меня в десять тридцать. Будешь ассистировать. Проверим заодно: может, он и тебе подсказывать захочет, учитывая наши отношения? Тогда второй компьютер установим. Игра в четыре руки, дело быстрее пойдет. Все, Гошик, вали, я устал, спать хочу. Давай завтра погуляем, подышим, вечером в шахматешки... Звони!

– Ты кому-нибудь проболтался, скажи правду? – Гоша спросил в интонации, предполагающей, что он поверил, согласен и «концессия» сформирована.

– Ты меня за идиота держишь? Да хоть пьяный, хоть под пыткой – никому. Знаем только ты и я. Железно...

В субботу они погуляли по Москве, вернувшись домой излюбленным Игнатовым маршрутом.

После отставки вот уже больше трех лет Оболонский либо дома торчал, один или в Гошиной компании, либо шатался по окрестным улицам, праздно разглядывая знакомые строения и витрины, покуда не встречал какого-нибудь приятеля, чтобы распить бутылочку, потолковать о том о сем да и разойтись в разные стороны. Любил посидеть на Чистых прудах, спуститься до Хохловки, дойти до Лубянки, попетлять по переулкам и через Мясницкую вернуться к себе на Бобров, где за столетними чугунными воротами ждал его маленький дворик, подъезд с тремя ступеньками и старая, дряхлеющая без ремонта квартира всей его жизни. За час-другой прогулки он вспоминал всю прошлую жизнь. А Чистые пруды, куда зимой частенько водил малень-

кого Олечку на каток, наполняли таким нестерпимым чувством тоски, нежности и боли, что искал ближайшую скамейку, лицо руками закрывал да и плакал тихо, в себя.

Изредка, по выходным, как сегодня, они бродили вместе, кормили уток и лебедей на Чистых до первого ноябрьского ледка.

Гоша решил вообще не затрагивать тему биржи и статуютки.

Но Игната распирало, он строил золотые замки, окончательно впал в мистику и метафизику, но вдруг вернулся к прагматичному вопросу, заданному накануне другом.

– Зачем деньги? Куплю дом в Сан-Франциско, на берегу океана. Будем гулять, виски пить, английский выучу малость. А на пару-тройку месяцев буду возвращаться сюда, на Чистые пруды, подышать воздухом юности, кошелек пополнить вместе с Аполлошей. К моим на могилку ходить буду.

– Насчет могилки я тебе понимаю. А вот остальное... Играть ты и там можешь! – провокационно заявил Гоша. – Там тоже биржа есть, а бог твой греческий – ему по фене, где тебе ставки подсказывать. Кстати, в казино не пробовал? Там еще быстрее и круче. Или в карты. У меня знакомые есть, могут устроить подпольную игру в катране. Нет, вообще, в Америке биржа богатая, глядишь – и миллиард надыбаешь.

– Издеваешься? Ну-ну! Поглядим... А в Америку, жаль, таможня Аполлошу не пропустит, – с тоской вздохнул Игнат. – Придется здесь его прятать. Я все продумал: арендую ячейку в банке.

Гоша промолчал, мечтая о скорейшем пришествии понедельника. Он не мог не верить глазам, как зритель на выступлении фокусника, как наблюдатель НЛЮ, как свидетель телекинеза. Он верил глазам, но ни секунды не верил в закономерность, объективность, многократное повторение чуда с Игнатом. Он верил либо в подвох (не в этом случае), либо в прихоти и причуды теории вероятностей, допуская, как он читал, и не такие выпадения чисел.

Но больше всего Колесов верил в понедельник. Все лопнет, встанет на свои места, этот несчастный мечтатель разорится вдрызг, проиграет свои и его, Гошины, деньги, испытает жуткий стресс, впадет в пьянство, потом прозреет, успокоится и будет жить. Просто жить, как прежде.

Только бы не слег с инфарктом и окончательно не сошел с ума, когда все встанет на свои законные земные места.

Он не мог предположить, что в понедельник сам окажется на грани безумия.

С утра, с открытия биржи, Игнат покупал и выигрывал.

Покупал и выигрывал.

Покупал и выигрывал.

Покупал и выигрывал.

Раз за разом. Без промедлений и осечек. Без сомнений и терзаний. Только время от времени на статуэтку поглядывал, а потом на него, победительно, торжествующе.

Он то брал на все и снимал небольшую прибыль сразу, то дробил возрастающую сумму на две-три части, брал разные акции и за двадцать-тридцать минут продавал их все с неизменным успехом. Почти каждый раз профит был скромный, но вот с одних акций отхватил вдруг три процента, можно сказать – куш. За четыре часа Игнат увеличил их капитал на треть. Он работал молча, сосредоточенно, ловко шелкая клавиатурой и кликая мышкой. Таким Гоша не видел его никогда. Но и с ним такого никогда не происходило: рассудок не мог смириться с реальностью, поскольку реальность была неотличима от сна.

Окончательно Гошу добила сделка, которую Игнат совершил после булки с куском колбасы, наскоро проглоченными без отрыва от производственного процесса. Гоша от «обеда» отказался, молча качнув головой, и выпученными, покрасневшими от напряжения глазами наблюдал за тем, что вытворял игрок. А Игнат, как-то особо пристально всмотревшись в фигуру древнего бога, выудил из длиннющего раздела «Внесписочные акции» неведомое

название «Адыгей ЭлС» и вгрохал в эти бумаги всю сумму, к тому моменту превышавшую сто пятьдесят тысяч рублей. Встал, потянулся, осклабясь. Прошелся по комнате, разминая затекшие слоновьи ноги, потрепал оцепеневшего Гошу по плечу и гаркнул: «Ну, что, писатель, проктолог человеческих душ! Все еще психом меня считаешь? Тогда гляди!»

По прошествии десяти минут котировки акции этих адыгейских «ЭлС» стали – нет, не расти: они вздыбились, смерчем взвились под небеса, как будто все биржевые трейдеры страны вкупе с мировыми инвесторами ринулись скупать энергетические мощности далекой Адыгеи. Еще через пятнадцать минут акционеры этой микроскопической в масштабах мировой экономики фирмочки стали богаче на пять процентов, Игнат заработал почти семьдесят пять тысяч.

За десять минут.

И тут произошло событие историческое, поворотное в масштабах одной, отдельно взятой личности. 28 сентября 2007 года московский интеллигент Георгий Арнольдович Колесов на **пятьдесят восьмом году жизни вынужден был порвать с материалистическими воззрениями, не** придя ни к какой религии. Он в одночасье принял существование потусторонних сил и как-то легко с этим смирился.

Глава пятнадцатая. Охота на инкогнито

Роберт Малян не стал убивать Додика. Он вообще никого никогда не убивал. Его – могли. Да, с Хозяина станется, шлепнет сгоряча и велит в асфальт закатать. Но Роберт не давал повода. Он служил верно и честно. И с этого имел.

Он чувствовал добычу, всегда был осторожен, редко ошибался, постигая психологию клиента... Также редко изменяло ему чутье на **вещь**. На этот раз оно не подсказало, а завопило ему прямо в ухо! Игнатов неожиданный уход сильно изумил, но не выбил из колеи.

Додик знал свое дело. Как он мог так проколоться! Слава богу, Хозяин пока ничего не ведает. Но узнает обязательно. Он оборудовал все помещения салона, как и вообще все свои фирмы, видеокамерами. Все было под контролем. И встреча с этим толстым зафиксирована, как и сама **вещь**. Можно наступить на горло собственным принципам и попытаться запудрить мозги, мол, явная дешевка. Но Роберт не таков: только горькая правда и рвение, чтобы исправить промашку.

«А как? Пробивать всех Иванов Петровичей в Москве и Подмоскovie – все равно что искать черную кошку в темной комнате, когда ее там нет. А вдруг вообще приезжий, хотя не похоже! Имя и отчество вымышленные – к бабке не ходи! Человек оказался осторожный, хотя и не производил такого впечатления. Остаются два пути: через отпечатки пальцев и по физиономии.

Отпечатками наследил точно. На столе, стуле, журнал тербил... Есть кому снять и проверить по милицейской базе. Рожа красная у этого «Ивана Петровича» – вдруг в вытрезвителе побывал, побуянил, менты пальчики и сняли?. Или морду кому на улице набил? Или еще в какую-нибудь историю влип? Маловероятно, но шанс.

Вторая зацепка – фото. Исходим из удобного предположения, что он коренной москвич, получил **вещь** в наследство, живет в старом московском дворе в пределах Садового. По нынешним временам вариант скорее литературный, романтический. Мало их осталось – коренных-то, потомственных, еще не вытуренных за пределы Бульваров и даже Садового кольца новыми русскими – хозяевами города. Жаль, конечно, что в розыск его не объявишь, но пусть Додик, козел сраный, пошатается по центру, тихонько потычет фотку в рожи киоскерам, продавцам шаурмы, пацанам и старушкам во дворах, таджикам-дворникам и прежде всего таксистам. Особенно тем, что здесь, у перехода, караулят. Шанс один из ста, но использовать надо. Вот, собственно, и все. Неделя поисков. Дальше – сдаваться Хозяину. Слушать мат. Не получить месячный бонус. Зато получить... кулаком под дых, как однажды уже было после упущенного этюда Левитана. А, делай что должно, и будь что будет!»

Он позвонил Бореvu, эксперту-криминалисту, «нашему человеку» в УВД Северного округа. Попросил срочно приехать «с кисточкой». Тот сказал: «Ближе к шести, не раньше».

Даже лучше. Есть время. Он запер переговорную, забрал ключи с собой, стремительно направился в комнату охраны, куда с камер наблюдения поступала «картинка». Хорошо еще цветная – Хозяин не поспешил. Там на отдельный, специальный диск фиксировались изображение и звук из переговорной. Только этот хитрый блочок приемного оборудования не имел ни дисплея, ни микрофона. Соответственно охранник не мог видеть происходящего и слышать голоса в святая святых, где извлекались из сумок, освобождались от футляров, выуживались из внутренних карманов порою бесценные вещи, где завязывались тайные сделки ценою вопроса в десятки, а то и в сотни тысяч долларов.

Техник-охранник Сережа был парнем понятливым, молчаливым, правильным. Лишних вопросов не задавал. По заведенному порядку Малян расписался в журнале изъятия, получил диск. Тотчас поехал домой на Ленинский, где с помощью компьютера и ксерокса получил пару копий с изображением ускользнувшего клиента и отдельно – античного бога. Перегнал

на флэшку и рванул назад. Вызвал Додика в скверик неподалеку от салона (внутри никогда не пускал, чтобы никто его не мог опознать в случае чего). Тихо и внушительно еще раз обрисовал ему близкую перспективу завершения его жалкой и никчемной жизни, в случае если не найдет клиента. Дал пять дней с утра и до вечера. Напутствуя, послал на х... и вернулся в салон дожидаться Борева «с кисточкой». Настроение было омерзительное. Он то и дело доставал из кармана вчетверо сложенную ксерокопию **вещи**, разглядывал ее со смешанным чувством восхищения и досады. Даже на листе плотной бумаги этот юноша в лучистой короне смотрелся здорово и словно источал жизнотворную, победительную молодую силу.

«Из-под земли достану!» – дал себе клятву Роберт по-армянски.

Глава шестнадцатая. Тайное творчество Георгия Арнольдовича

Полночи Гоша ворочался, заставляя себя не думать о случившемся. Не получалось. Неуправляемое воображение рисовало то потешную картину разоблачения магии, то горы банкнот, зарубежные туры в дорогие отели, путешествие на Тибет, о котором мечтал с юности, но отчетливее всего – виллу на берегу теплого моря, где на террасе, обращенной к солнечному горизонту, он сидит за компьютером в белых шортах, прихлебывает ледяное пиво и работает над Данте, работает над Данте...

Тут настало время раскрыть интимную, духовную тайну Георгия Арнольдовича Колесова, о которой упоминали выше.

Он переводил на русский язык «Божественную комедию».

Даже не слишком просвещенные читатели догадываются, что до него это уже сделали. Более продвинутая часть публики знает, что не раз. Тонкий слой аудитории, в основном люди в годах знакомы с каноническим, прославленным переводом Михаила Лозинского, который осуществлен был во время Великой Отечественной войны и который сама Ахматова считала непревзойденным.

Именно в этом переводе он и прочел Данте в 1968 году, готовясь поступать во ВГИК на сценарный факультет и уже тогда увлекшись поэтическим переводом с английского. Получил несколько похвал от друзей и, преисполнившись веры в свое дарование, возмечтал о совершенстве. Уже к тому времени у юноши было не только хорошее перо, но и литературное чутье. Гоша осознал величие этой поэмы, ее грандиозный замысел. Но язык перевода показался ему излишне архаичным, словно адресованным поколению конца прошлого века.

Гоша выяснил, что первым переводчиком Дантова шедевра была Софья Голицына, дочь Натальи Голицыной, послужившей Пушкину прообразом пиковой дамы. Еще раскопал сведения о некоем Голованове, который первым, до Лозинского, перевел «Божественную» адекватным стихом – терцинами. Но Гоша даже не стал разыскивать эти тексты. Непостижимо для самого себя он вдруг зажегся идеей перевести гигантскую поэму тоже терцинами, но лучше и современнее Лозинского, оставив нетленную память о себе в истории мировой культуры. Он решил сделать сей труд потаенной и заветной целью на многие ближайшие годы, а может, и на всю жизнь. Для этого нужна была самая малость: выучить тот итальянский язык, в том числе и тот, на котором говорил и писал автор в тринадцатом-четырнадцатом веке. А также: постичь его эпоху, изучить Библию, прочесть массу других книг и развить в себе дар стихосложения.

Гоша дал себе слово НИКОГДА НИКОМУ НИЧЕГО не говорить и не думать, сколько времени это займет. Пускай всю жизнь!

Так и случилось. Три года ушло только на итальянский, на источники. А потом... То бросая этот изнуряющий труд на многие месяцы, то возвращаясь к нему снова, впадая в отчаяние и воодушевляясь, переделывая строфы и страницы по несколько раз, он таки неплохо освоил итальянский, многое познал и за каких-то без малого двадцать пять лет довел, как ему представлялось, до совершенства две первые книги – «Ад» и «Чистилище». И, переступив порог «Рая», прошагал по райским кущам до песни тринадцатой, где философ Фома Аквинский рассуждает о мудрости Соломона, Адама и самого Иисуса Христа.

Позади четыре тысячи пятьсот этих самых трехстиший – терцин. Оставалось каких-то двадцать песен, то есть примерно тысяча терцин, или, если хотите, три тысячи строк. Гоша прикинул, что, если будет творить такими же темпами, ему понадобится еще с десяток лет. А мозги работают все хуже. Глядишь – и пятнадцати не хватит. Он боялся, что хвори и маразм помешают «закончить труд, завещанный от Бога». В лучшем случае – не дадут насладиться

триумфом прижизненным, и придется довольствоваться посмертным, что его категорически не устраивало.

Все менял фантасмагорический пацан с Игнатовых антресолей. Безбедное существование, тем более в роскошных условиях приморского уединения позволило бы сосредоточиться на главном, резво продвинуться к финалу и вкусить плоды литературного подвижничества, затмив сомнительную славу Лозинского.

Глава семнадцатая. Большой бизнес

Проснувшись в несусветную рань, Гоша долго лежал, пытаясь осмыслить сегодняшние сны и вчерашнюю явь.

«Да, срабатывает какой-то потусторонний, неведомый науке эффект... Какие-то волны и сигналы из другого мира или измерения подаются в Игнатовы проспиртованные мозги с помощью ретранслятора в виде бронзовой статуэтки то ли Аполлона, то ли бога солнца Гелиоса, то ли вообще неизвестно кого. Да, я хочу быстро разбогатеть и вместе с Игнатом уехать в Сан-Франциско, в Майами или на Багамы и дожить там в комфорте, наслаждаясь творчеством, покоем, морем, свободой. Ведь здесь у меня даже отеческой могилы нет: она в неведомом болоте.

Но что же получается? Для меня зарабатывает Игнат. Полная халява за счет друга. Отвратительно! На это идти нельзя. Это безнравственно. А если он врет? Если никакого Сан-Франциско ему не надо, ничего не надо, кроме крови этого государственного подонка Пуштина? Если вернулась идея вендетты, но уже с конкретным расчетом на деньги от игры?».

Звонок прервал тревожные думы Георгия Арнольдовича. Игнат велел спустаться.

– Я должен ехать на переговоры по сценарию. Вечером зайду.

– Какие переговоры! – взвыл Игнат на таких децибелах, что Колесов в ужасе отдернул от уха трубку. – Ты что, совсем охерел!

– Слушай, Игнат, ты же спокойно можешь работать над этим один, зачем я тебе? Потом поделишься, как сочтешь нужным. По справедливости, мне может причитаться лишь скромный процент.

– Ну ты и жлоб! – с жуткой укоризной в голосе набросился Оболонский. – Мы с Аполлошей должны тебе бабки делать, а ты, значит, в свое удовольствие продолжишь писанину копеечную в ожидании процентов?!

– Я не понимаю, что ты предлагаешь? У меня с твоим Аполлошей связи нет – не провели! Может, ты знаешь хорошего электрика, вызови, пусть наладит.

– Знаю, Гоша, знаю. И юмор твой в жопу себе засунь. Спускайся немедленно, я тебе все объясню, и займемся делом. Понял?

Гоша покорился. Выпил кофе и явился к другу. Застал Игната за трогательным занятием – тот мягкой влажной тряпочкой любовно протирал бронзовый торс бога и тронутую патиной подставку, тихо напевая что-то из военно-лирического репертуара.

Гоша сел в позу покорного слушателя.

– Ну?..

– Что «ну?» Интеллигент, понимаешь ли, а думать не умеешь. Ты же должен был опыт приобрести, пока мы с тобой на бирже бабки просаживали? – Игната было не узнать: деловит, строг, деспотичен, вместо дежурного махрового халата – спортивные брюки и джинсовая рубашка.

– Опыт я приобрел. Самый надежный метод игры – не играть.

– Из тебя с утра юмор так и прет! Неуместно и не вовремя. Слушай сюда, биржевик! Нам нужно снять хотя бы сто миллионов рублей. По пятьдесят на брата. Я уже все прикинул, посчитал. Уедем к океану в Америку, купим по скромной вилле или одну нескромную на двоих – все равно мы друг от друга никуда не денемся, ты меня похоронишь или я тебя. Будем жить в свое удовольствие, в бассейне плавать, в шахматы играть, по миру поедем. Побываешь наконец на Тибете. Но есть проблема. – Игнат строго посмотрел на статуэтку и аккуратно сместил ее чуть ближе к краю стола. – Во-первых, он играет в пределах дня. Даже часа. Пока...

– Не понял?

– Ну ты что, не обратил внимания? У меня между «купил» и «продал» максимум двадцать минут проходит. А чаще всего пять – семь. С каждой сделки, за редким исключением, снимаю немного. А глаза устают, нервы напряжены, задница прееет, геморрой вон опять зудит, на свободу просится. А нам еще до ста миллионов шкандыбать и шкандыбать. Если ему не надоест! – При этом Игнат взглянул на фигуру бога с надеждой и опаской.

– Почему же он тебе не подсказывает на более долгий срок? – поинтересовался Гоша с хорошо скрываемым сарказмом. (Он поверил, поверил, но не хотел себе в этом до конца признаваться). – Подождал недельку-другую, сперва даже и в минус ушел, а потом поднялся процентов на десять – пятнадцать, сильная прибыль.

– Гоша, дорогой, ты совсем, что ли, с глузда съехал?! Ты что, думаешь, я с ним ночами о бизнесе болтаю под водку с огурцом? Или сговариваюсь, как с бандитской крышей? Или обсуждаю мировую экономику? Пойми, Гошик, я сам не знаю, как он мне командует и почему именно так. Но знаю точно: он мне за единицу времени может больше подсказок делать. Хоть вдвое, хоть втрое. Но он словно чувствует, видит, что счет у меня один, разорваться я не могу. Пойми: ставлю я все свои двести тысяч на одну акцию и жду. А за эти десять– двадцать минут и еще какие-то подскочат, и даже повыше. И он готов мне подсказывать, какие именно, – я чувю, Гоша, чувю. Мы теряем некоторое время, а значит, и некоторые деньги, пусть небольшие. Но дело не только в этом: в конце концов, я у биржи в долг возьму, сумма удвоится, пойдет живее. Здесь проблема номер два, более серьезная. Ты представь, как у меня будет расти счет. У меня, простого пенсионера, без году неделя играющего на бирже и до этого только в минус. Они же там все просекают по отчетам, которые мы же подписываем. Мы же у них в компьютере. Это же засветка, Гошик, по полной программе. Мало того... Ты посчитай, какие налоги скромный пенсионер Оболонский заплатит уже в начале следующего года. Да мною живо интересуются бандиты, связанные и с биржей, и с налоговой. И сама налоговая стукнет куда надо.

– Что от меня-то требуется? – спокойно спросил Колесов, уже догадавшись, куда клонит Игнат.

– Играть, Гошик, играть.

– ???

– Слушай внимательно. Сейчас едем с тобой в нашу брокерскую компанию. Снимаю половину. Оформляешь на себя счет в другой конторе. Их в Москве как ларьков с шаурмой, я узнал. Становишься клиентом фирмы «Трейдэкспресс». Подключаешься. Берем еще и в долг у биржи. Аполлоша командует мне, я ставлю сам и команду тебе. Игра в четыре руки, просек.

– На два счета?

– Пока... Двух мало. Надо хотя бы три. Лучше четыре. И обязательно в разных брокерских конторах.

– Ты кого имеешь в виду? – изумился Георгий Арнольдович. Он мгновенно прикинул, что узенький кружок их общих или персональных знакомых вряд ли включает кого-то подходящего.

– Любашу!

– Каво-о! – с диким изумлением протянул Гоша.

– Ладно, решим, обсудим. Иди к себе, собирайся, поехали. Паспорт не забудь.

Глава восемнадцатая. Любаша

Заканчивался сентябрь, а с ним и деньги. Парики стали кормить Любовь Андреевну скудно. Они и раньше-то не приносили желанного достатка, а нынче конкуренция дожимала все сильнее, заказов почти не было.

Любаша вот уже семь лет работала дома на себя, частным образом. Семь лет назад ушла из маленькой мастерской, разругавшись вдрызг с начальницей – лесбиянкой, дожимавшей ее то придирами, то ухаживаниями, от которых тошнило.

Любаше было сорок шесть, но она сохранила привлекательность, в частности волнующий силуэт талии. По жизни любила мужиков, и только, а гордость и достоинство культурной дочери питерских интеллигентов– врачей решительно не позволяли идти на такой компромисс ради места и зарплаты.

Она развелась за год до увольнения, муж, сделавшись пьяницей и вертопрахом, сгинул с другой на просторах Средней Азии, куда его занесла длительная служебная командировка, – спасибо хоть написал все как есть и согласие на развод прислал нотариальное. Денег не оставил. За квартиру плати, мама в Питере больная, без помощницы по хозяйству не может, переезжать отказалась наотрез как великий патриот города на Неве, где непременно хочет умереть и лечь рядом с отцом: плати помощнице.

Детей Любаша не имела – не могла. Квалификация преподавателя русского и литературы после филфака ЛГУ пригодилась ровно на семь лет, до замужества и переезда в Москву, совпавшего с началом великих потрясений перестройки и гласности, когда денег ей платить стали совсем мало, а муж зарабатывал хорошо. Со скуки пошла на курсы, научилась делать парики. Пришло мастерство, ушел муж, но, повторим, постижерская профессия кормила так себе.

А хотелось еще и пожить, на концерт сходить, в театр, в кафе с подругами посидеть, тряпку себе купить приглянувшуюся, мужика завести, к морю съездить. Ох как хотелось к морю! С ним была связана и заветная, глупая, совершенно утопическая мечта: купить домик где-нибудь на эгейском побережье, в Греции, уехать туда навсегда, выйдя предварительно замуж за немолодого, небедного, достойного мужчину, который бы любил и оберегал ее.

Георгий Арнольдович познакомился с ней в книжном на Лубянке, где был завсегдаем, а Любаша, по случаю оказавшись в центре, заскочила разориться на последний роман Дины Рубиной – нравилась ей очень эта писательница. Разговорились о житье-бытье, он отвел ее в кафе, где напоил вином, убедился, что пьет она с удовольствием и очаровательно пьянеет, прочел Блока и кое-что из своих юношеских, услышал в ответ ахматовское «Все мы бражники здесь, блудницы...», а потом у него дома случилось.

Любаша оказалась именно той женщиной, которая нужна была Гоше в его возрасте, при его аденоме, интеллектуальном уровне, застарелой привычке охмурять не влюбляясь, заниматься сексом продолжительно, но не часто и не жениться, не жить вместе ни при каких обстоятельствах.

Уже через пару недель он привел ее к Игнату. А еще через месяц она стала их подругой, собеседницей и партнершей. Они деликатно чередовались, принимая ее раз в неделю – десять дней. К себе – ни-ни! – не приглашала: это было против каких-то ее странных представлений. И не напрашивалась в гости, тем более ничего не просила у них, но мужчины сами вознаграждали за каждую встречу двумя тысячами рублей, чтобы «передала маминной сиделке».

Такой благородный предлог совершенно смирял Любашу с ее совестью и понятиями о порядочности, и никаких угрызений и комплексов она не испытывала, тем более что, кроме этих двух симпатичных и таких разных мужичков в возрасте, никого у нее не было и не искала.

Но что-то они замолчали. Три недели нет звонков. Не в деньгах дело: только что хорошо получила со случайного срочного заказа! Не хватало общения, честно говоря – и секса. Соскучилась.

Она было решила нарушить заведенный порядок, но Игнат объявился с утра пораньше. Формальнее, чем обычно, поинтересовался делами и здоровьем. И попросил приехать прямо сейчас. Она не удержалась от издевательски-мстительного «приспичило, сэр?», но в ответ услышала – впервые, наверное, за годы знакомства: «Есть дело, срочное».

Любовь Андреевна собралась быстро. Через полтора часа она сидела на диване в кабинете Игната, напротив на стульях расположились оба «мужичка», и сперва ей в голову пришла крамольная мысль, уж не намерены ли они предложить ей встретаться втроем для обострения слабеющих сексуальных чувств. Она приготовилась с гневом отвергнуть этот вариант, хотя где-то в глубине естества коварно подзуживал интерес.

Но тут Игнат начал говорить. Слушая, Любовь Андреевна с изумлением смотрела то на второй компьютер-ноутбук на столике у окна (не было его прежде), то на рассказчика, глаза которого горели нездоровым блеском, но явно не тем сексуальным, какой она с удовольствием обнаруживала в них перед постелью.

– А откуда вы оба знаете, какие акции надо покупать?

Она была умной женщиной, однако первым вопросом они ожидали все же не этот. Тем не менее были готовы.

– Тебе это зачем? – обезоруживающе ласковым вопросом пресек ее любознательность Игнат. – Меньше знаешь – лучше спишь. И больше заработаешь. Гарантируем, что ничего криминального. Все в рамках закона. Считаю, что нам подсказывает некий голос.

На этих словах Игнат улыбнулся. А Гоша с филологических и философских высот оценил уникальность и изящество этого заявления: правда, которую любой здравомыслящий, нормальный человек воспримет как пустую отговорку. Игнат растет над собой.

Через пять дней Любовь Андреевна Алтунина стала полноценным членом уникальной команды биржевых игроков, методично, без промедлений множивших свои финансы. Ее счет открыли в третьей брокерской конторе, но картинка и действия те же. Владевшая компьютером на достаточном уровне и неплохо считавшая еще со школы, Любаша быстро освоила нехитрую технологию.

С помощью удобной и безопасной программы СКАЙП (Гоша узнал про нее, завел всем) она получала от Гоши сообщение: название акции, количество, цену и команду «купить» или «продать». Немедленно находила акцию на биржевой «картинке», щелкала калькулятором, потом мышкой, покупала на все. Ждала минут пять–десять, иногда чуть дольше. Гошина команда, и она продавала, ставя, как ее научили мужички-старички, цену чуть ниже рыночной, чтоб наверняка. По СКАЙПУ тотчас уведомляла: порядок. И получала новую установку. В паузах щелкала калькулятором, плюсуя к своему заработку десять процентов от прибыли со сделки. Разумеется, помнила, что ее растущий капитал начинался с чужих денег, но если так пойдет – через недельку-другую эту сумму отработает. Еще помнила обещание Игната: срубим очень много – будет тебе чумовая премия: миллион. Только держи язык за зубами. Ни-ко-му! Иначе беда...

Она отказалась от двух заказов, сидела дома и, перекусывая чем бог пошлет, ковала железо, «не отходя от кассы». В выходные почитала в Интернете кое-что о бирже и, будучи женщиной умной, озадачилась не на шутку.

Да, находятся ловкачи, которые сливают или получают тайную информацию о котировках. Такую называют инсайдерской. Но она поступает обычно от высоких, осведомленных людей и – самое главное! – про акции какой-то одной фирмы, максимум двух. А здесь... За дни торговли она совершала неизменно успешные сделки с акциями примерно двадцати разных

компаний, начиная с самых известных и кончая «высокорисковыми» из третьего эшелона, как писали о них в статьях. Как такое может быть? И кто они такие, чтобы?..

«Дура, дура, не думай ты об этом, не отвлекайся. Объяснили тебе: некий голос они слышат. Ну и ладно. Пусть нашепчет на миллион плюс миллион обещанный – домик в Греции не купишь, но хоть жить сможешь нормально. А может, и купишь...»

Но сомнения и страхи покоя не давали.

Глава девятнадцатая. Растворился он, что ли?

Хозяину, разумеется, доложили. Роберт оказался на ковре спустя пять дней после визита «Ивана Петровича».

Особняк на Рублевке он достаивался посетить трижды. Там Хозяин принял его на работу, там похвалил и выдал увесистую премию за небольшой морской пейзажик, в котором Роберт безошибочно учуял Айвазовского и «развел лоха», и, наконец, за фарфоровую фигурку лошади и всадника, купленную у интеллигентной бабули за пятьдесят тысяч рублей и оказавшуюся работой неизвестного китайского мастера десятого-одиннадцатого века стоимостью семьсот тысяч долларов – конверт последовал отменный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.